

Евгения Изюмова

«Нам дороги эти позабывать нельзя...»

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Иван Васильевич Жидков после окончания военного училища был направлен в Западный военный особый округ. В Минск он прибыл 10 июня, а 21-го был уже в крепости Осовец – там формировалась новая военная часть, и его временно прикомандировали к сапёрам, которые готовили палаточный лагерь для новобранцев. Уставший, он едва заснул, как раздалась команда: «Подъём!» Пришедший комбат сапёров сообщил, что на границе идёт бой в районе Граево. Вскоре и сапёрам пришлось вступить в бой. Комбат дал Жидкову четырёх бойцов и велел следовать к ДОТам, которые были недавно построены и укомплектованы достаточным боезапасом. На следующий день ему прислали ещё несколько бойцов.

Несколько дней ДОТы не давали фашистам возможности продвигаться вперёд, и они решили просто их обойти. Это была первая спокойная ночь, и вдруг к маленькому гарнизону Житкова пришёл старший политрук сапёрного батальона, он и несколько бойцов принесли взрывчатку, чтобы взорвать ДОТы. Бойцов отправили в батальон, а старший политрук вместе с Жидковым заминировали огневую точку, взорвали её, и тут же ухнули ещё три взрыва в стороне других ДОТов. А старший политрук и Жидков отправились к месту сбора. Но там никого не оказалось – лесочек весь был «перепыхан» бомбами.

Через трое суток офицеры добрались до Волковыска, но во время очередного авианалёта они в ревушей, испуганной толпе потеряли друг друга. Жидкову «везло» - он не был даже ранен, хотя немцы регулярно бомбили дороги. В конце концов он с небольшой группой красноармейцев прибил к 8-й дивизии.

Комдив рядовых сразу зачислил в состав дивизии, а молодых офицеров, недавних выпускников военных училищ, на машине отправил в тыл, дескать, ваши знания и умение воевать скоро будут нужны. Во время пути от Барановичей их настигли несколько немецких бомбардировщиков, и один из них сбросил бомбы на машину. Что-то горячее и тугое приподняло Ивана и бросило оземь. Он потерял сознание, очнулся, когда дорога уже опустела, на её обочинах – опрокинутые грузовики и очень много убитых военных. Жидков еле поднялся на ноги: его шатало, голова болела, правый глаз заплыл. Он увидел сидящего на обочине солдата, который пытался забинтовать кровоточащую рану. Василий, так звали раненого красноармейца, воскликнул, что у Жидкого – всё лицо чёрное и опухшее.

Они долго шли, пытаясь догнать своих. В одном из лесных хуторов попросились у хозяина заночевать в сарае, чтобы обогреться – дело шло к осени, но в полночь нагрянули немцы, видимо, хозяин сообщил им о двух советских военных...

Их отправили в лагерь: в чистом поле на окраине какого-то поселения он был просто оцеплен колючей проволокой. Пленные палками и руками рыли себе норы, чтобы укрыться от непогоды. Затем Минск, Замостье, Хаммельбург, Нюрнберг... Тех, кто мог ещё работать, везли дальше на запад, а тех кто не мог – расстреливали или отправляли в газовые камеры. Отбор был прост – человек вставал на весы, и если его вес был меньше «нормы», то его отгоняли в сторону «доходяг» - он больше не мог пригодиться Германии. Но люди хотели жить, потому некоторые прятали под одеждой камень, чтобы увеличить вес, и если охранник это обнаруживал, то пленного тут же расстреливали в назидание другим. Иван Васильевич рассказывал про это с душевной болью, в глазах блестели слёзы.

- Многие из нас не выжили бы, если бы не Дмитрий Михайлович Карбышев. Впервые я увидел его в Минске. Нашу колонну загнали в спортзал какой-то школы, вскоре туда привезли и Карбышева. Правда, он был с нами недолго - его куда-то увезли. Потом нас отправили в Замостье. Там же оказался и Дмитрий Михайлович. Он был в отдельном бараке, где находились офицеры не ниже подполковника, потому барак прозвали «генеральским». Он прогуливался рядом с колючей проволокой, которой был оцеплен барак, и мы старались перекинуться с ним хоть парой слов, пока не замечал нас охранник. Удивительной стойкости был человек. Он призывал пленных быть мужественными, при первой же возможности бежать. Мы и пытались. Однажды во время попытки побега чуть не расстреляли всех, кто был в вагоне, в котором нас отправили в Хаммельбург. Как мы завидовали тем, кто сбежал! Я успел только голову высунуть из вагонного люка, как состав остановили, пересчитали нас, избили и повели в лес на расстрел. Но один из фельдфебелей убедил нашего вагонного надзирателя, что мы – «ценный скот, который должен работать и работать на благо Великого рейха».

И всё-таки Жидкову удалось сбежать, когда их эшелон отправили из Нюрнберга на запад. Он с товарищем попал к американцам, там и встретил конец войны. Их убеждали уехать в США, но поддались на уговоры лишь несколько украинцев. Может быть, некоторые бывшие военнопленные пожалели об этом, когда на Родине оказались снова за решёткой – их проверяли, не добровольно ли сдались в плен. И опять Жидкову повезло: в фильтрационном лагере бывших военнопленных нашлись свидетели того,

что Жидков не сотрудничал с немцами, что в плен попал контуженным – правая щека так и осталась чёрной от удара об асфальт. А может быть стало удачей и то, что его дело вёл пожилой дотошный следователь, молодые не «цацкались», их вердикт был прост: попал в плен, значит – предатель Родины, марш на Колыму. Но следователь Жидкова послал запросы и в военное училище, и в Москву в кадровое ведомство. Словом, Жидков прошёл проверку, ему вернули звание, он должен был 8 сентября с группой других реабилитированных бывших военнопленных выехать на Дальневосточный фронт, где шла война в Японии. Но не выехал – война с Японией победоносно завершилась. Его демобилизовали, и Жидков вернулся в Эльтон, где до войны учился в педагогическом училище. Он стал работать в школе, поступил в пединститут и, переехав в Волжский, преподавал в одной из школ физику и математику.

2 ноября 2005 года Иван Васильевич Жидков ушёл в мир иной...

ОТ НЕВЕЛЯ ДО ВЕНЫ

Николай Федорович Аганин призвался в армию летом 1942 года когда шли вовсю бои под Сталинградом. Фашисты уже оккупировали половину Кавказа, а наши войска оставили Одессу...

Направили Николая сначала в 4-й мотоциклетный учебный полк, где основательно обучали не только правилам езды на мотоциклах, но и ведению разведки, осуществлению связи между подразделениями. После обучения Аганина направили в Саратов, где формировалась 92 танковая бригада. Назначен он был в разведку. И вскоре вместе с бригадой оказался на Калининском фронте под Великими Луками.

Великолукскую операцию войска Калининского фронта осуществляли около двух месяцев. Она началась 25 ноября 1942 года, а город Великие Луки был освобожден от врага соединениями 3-й ударной армии лишь 17 января 1943 года. В ходе боев армия значительно ослабла и без серьезного усиления решать важные оперативно-технические задачи не могла. Немецкие войска (3-я танковая армия и часть 2-й танковой, а также 4-я пехотная армия) ожесточённо сопротивлялись.

В результате напряженных двухмесячных боев наши войска всё же нанесли фашистам значительный урон, сокрушив вражескую оборону в полосе 350—400 километров, продвинулись на запад на 250 километров, вышли в верховья Днепра. Ожесточенные бои шли в полосе свыше 500 километров от Невеля до устья Припяти...

Николай Федорович очень хорошо помнил то время. Фашисты вновь и вновь бросались в атаки, ведь, чтобы остановить наступление советских

войск на этом важном направлении, они перебросили из-под Гомеля пять пехотных и одну танковую дивизию, две пехотные дивизии прибыли из-под Ленинграда. И часть этих войск стояла против горсточки храбрецов, оседлавших дорогу на Невель. Они выдержали вражеский напор, и все оставшиеся в живых были награждены орденами и медалями. Аганин был удостоен ордена Красной Звезды. Это была его первая боевая награда. Позднее он получит еще две медали «За отвагу». Одну — за взятие Будапешта, другую — за взятие Вены. Причём «венская» медаль была вручена Аганину в госпитале. В самой Вене Николаю Федоровичу не довелось побывать. В боях за неё он был тяжело ранен в ключицу 4 апреля 1945 года, за месяц до конца войны... Но до этого ему предстояло еще шагать и шагать, а после взятия Невеля его дивизию отвели на переформировку, чтобы потом ввести в бой на новом направлении. Немцы защищались отчаянно, обрушивали на советских солдат артиллерийский и минометный огонь. Одна из мин разорвалась недалеко от Аганина. Очнулся он уже в палатке медсанбата, а потом были госпитали в Австрии, Венгрии, дважды его оперировали. Лишь после третьей операции извлекли все осколки, и ключица нормально срослась.

Н. Ф. Аганин до ранения участвовал и в Яссо-Кишиневской операции. Наступление советских войск началось 20 августа 1944 года. В назначенный час тысячи орудий

и минометов, сотни самолетов обрушили сокрушительный удар по противнику. В первый же день войска 2-го Украинского фронта прорвали оборону на всю тактическую глубину. Как только был дан сигнал к атаке, все дружно, во весь рост с криками «ура» устремились к передовым траншеям противника и захватили их, сорвав намерение врага «плановмерно отойти»: через два дня танковые соединения 2-го Украинского фронта совершили бросок на 25—30 километров. Николай Федорович помнит, как стремительно шли они через Прут по наведенной переправе к Яссам, а после завершения Яссо-Кишиневской операции войска повернули на Бухарест.

— В Бухаресте мы стояли несколько дней. Наша дивизия была уже переформирована, и мотоциклетные подразделения соединили в 4-й отдельный мотоциклетный полк, — рассказывал Николай Федорович. - Из Бухареста мы начали наступать на Будапешт. Форсировали Дунай и с боями заняли Буду, часть столицы. А потом - Вена, ранение, госпиталь в венгерском городе Кечкемет.

В 1964 году Н.Ф. Аганин приехал в Волжский, стал работать на шинном заводе слесарем. Обстоятельного и умелого новичка вскоре назначили бригадиром, и его небольшой коллектив стал лучшим на заводе. И

к боевыми наградам присоединились трудовые — медали «Ветеран труда» и «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В. И. Ленина».

ПАМЯТЬ УВОДИТ В ПРОШЛОЕ

— Когда в 1942 году фашисты вышли к Дону, и до нашей деревни Ширяево осталось километров сорок, мне в ту пору было 17 лет...

Алексей Семёнович Ляхов по моей просьбе пришёл в редакцию «Волжского шинника». Мы пили чай и неспешно беседовали.

— Нас, кто помоложе, направили на укрепработы. Мы строили укрепления как раз возле Павловска. Потом раненых помогали эвакуировать. Но на передовой не были. Взяли меня в действующую армию лишь в 1943 году, направили в учебный полк. Обучали сапёрному делу. В ноябре вдруг пришел приказ грузиться в эшелоны. Думали мы сначала, что нас отправляют бить фашистов, а оказалось, что едем на Дальний Восток. Нам это, конечно, обидным показалось, но приказ есть приказ. Мы следовали полным ходом на восток, завидовали солдатам, чьи эшелоны шли на запад. Там воевали отец и старший брат...

Через всю страну шёл эшелон. Все дальше и дальше от родных мест. Проезжали сначала, затемнённые светомаскировкой населённые пункты, пересекли Урал, и понеслись наши теплушки по заснеженным лесам. Это была бескрайняя сибирская тайга. Под перестук колес хорошо думалось. И в памяти всплывали первые дни войны. Казалось, это так недавно было - лето сорок первого.

Отец и два старших брата трудились в колхозе. Тем памятным летом подошло время и мне работать в колхозе. А я худущий был, но высокий, потому меня определили в бригаду косарей, обучили работе на косилке. Пришло время косить люцерну, и косари работали почти без отдыха, но все же решили в субботу 21 июня съездить домой помыться, запастись продуктами. А я так устал, даже ужинать отказался, ушел спать. Проснулся уже на следующий день оттого, что кто то громко плакал. Я быстро выбежал во двор, а там плакала бабушка:

- Война, унучек, война!

Вскоре пришли повестки явиться в военкомат старшему брату и отцу. А потом и мне пришла повестка...

Полк, в котором служил Алексей Ляхов, стоял на Манчжурской границе. Его задачей было сдерживание японских войск, которые постоянно угрожали переходом линии границы. Японские танки, бывало, метров триста не достигали границы, потом резко разворачивались назад, в общем «играли»

на нервах советских солдат. На японской стороне прятались снайперы и стреляли в каждого, кто выглядывал из траншеи.

Однажды отделение Ляхова было на занятиях в поле. Вдруг кто-то заметил, что со стороны полка бежит посыльный, машет беспорядочно руками. Все встревожились, а солдат, еще не добежав, закричал:

— Ребята, война кончилась! — и добавил, немного отдышавшись: — Всем срочно в полк па построение.

Командир приказал построиться, но строй держался недолго. первые ряды ускорили шаг, потом побежали. Так бегом и прибыли в часть.

Полк построился, и командир полка объявил, что война с фашистской Германией завершилась победой нашей страны. Подписана безоговорочная капитуляция.

— Я помню: мы радовались, а гражданские и смеялись, и плакали, вспоминали своих родных, погибших на фронте. Потом нам дали два дня отдыха, всюду мы были желанными гостями. И это было здорово — наконец-то война на западе закончилась, но на востоке была напряжённость.

9 августа Советский Союз объявил войну Японии. Причинами, которые лежали в основе такого решения Советского правительства, было обеспечение безопасности Дальневосточных рубежей социалистической Родины, чёткое выполнение страной Советов союзнических обязательств, взятых на Крымской конференции, стремление приблизить окончание Второй мировой войны.

— К нам прибыла новая техника. В нашем полку сначала 76-миллиметровые пушки перевозились конной тягой, а теперь тягачи нам дали. Всё отделение умещалось в машине. Настроение было у всех отличное. Думали, немца разбили, дадим жару и японцу, лишь бы поскорее совсем войну закончить, — рассказывал Алексей Семенович, — уверенность в победе была полная. Техника была у нас прекрасная, опыт военный накопился.

Но на пути наших войск стояла лучшая японская армия — Квантунская, хорошо вооруженная и обученная. Японские смертники бились до последнего патрона. Используя боезапас, убивали себя ударом ножа в живот, но не сдавались. Сопки оцетинились дзотами. И вот одну такую сопку — дзот 1053 - стрелковый полк, где воевал Алексей Ляхов командиром минометного отделения, не мог взять в течение суток. И после того, как над сопкой основательно поработали бомбардировщики, выяснилось, что в солке был упрятан целый городок, где были одни смертники, прикованные цепью к скале.

— Это уже позднее стали японцы в плен сдаваться, но много было отчаянных, которые сопротивлялись до конца. А жители нас хорошо встречали. Забитые, робкие и немного смешные. Но мы опасались бывших белогвардейцев, а их в Манчжурии немало было. Эти люто ненавидели советских солдат. А потом нас направили в Корею...

Выполняя интернациональный долг, советские войска шаг за шагом освобождали Корею от японских захватчиков. А с юга навстречу советским войскам двигались американские. К концу августа вся Северная Корея до 38-й параллели была освобождена, союзные войска встретились, как встречались уже весной на Эльбе в Германии. 2 сентября Япония капитулировала. Но победа досталась дорогой ценой.

Отслужив, Алексей вернулся в Воронеж. А в 1951 году приехал на строительство Сталинградской ГЭС, и прекрасно помнит, как рос и хорошел Волжский. Сюда после службы в армии приехал его брат Владимир. Но каждый год братья ездили в родное село Ширяево.

— Наши земляки возвели памятник погибшим односельчанам. Там имена моих отца и брата. Брат под Москвой погиб, отец — под Смоленском. И нашей маме оказали честь зажечь у памятника вечный огонь. В мае 1985 года ей исполнилось 80 лет. Но уехать из Ширяево категорически отказалась: памятник для неё - словно могила мужа и сына, ведь неизвестно, где они похоронены...

НА ВТОРОМ БЕЛОРУССКОМ

23 июня 1944 года – памятная дата для белорусского народа, три года стонавшего под игом фашистских оккупантов: именно в этот день Красная Армия перешла в наступление и постепенно «выдавливала» немецкие войска из Белоруссии.

О том, как «драпали фрицы», Владимиру Варламову рассказывали сослуживцы, когда он после окончания Саратовской танковой школы, прибыл на 2-й Белорусский фронт в 176-й гвардейский артиллерийский ордена Кутузова полк. В то время войска 2-го Белорусского уже вышли к границе Восточной Пруссии.

Граница Восточной Пруссии! Три с лишним года мечтал её увидеть советский солдат. И в тяжёлую пору кровопролитных боев у стен Ленинграда, и в студёные, тревожные дни под Москвой, и в труднейшее время защиты Сталинграда, он верил, что этот день придёт, когда он ступит на немецкую землю. Восточная Пруссия — форпост германского милитаризма. Она была далеко выдвинута на восток. Отсюда не раз совершались нападения на нашу страну. И вот в последние дни августа 1944

года за тихой пограничной речушкой Шешупе наши бойцы увидели Германию.

С Владимиром Алексеевичем Варламовым мы беседовали в Красном уголке ремонтно-строительного цеха, и он рассказывал о трудном, но победоносном шествии нашей армии по земле врага:

— Шли мы по Пруссии стремительно. Немец отступал, а следом и мы за ним. Впереди - танки, потом — артиллерия, а затем - пехота. Но и на марше наши войска несли большие потери. Ведь мы шли на Кёнигсберг, и фашисты, несмотря на отступление, сильно бомбили нас с воздуха. Но и мы их авиации спуска не давали. Помню, как-то во время одного из налетов зенитчик сбили два самолета. Но расчёт моего орудия не полностью дошел до Кёнигсберга. Кто-то погибал при бомбежке, иные - во время орудийного обстрела. Однажды наша часть вышла на берег какой-то речушки, мы обрадовались воде, бросились умываться, а тут - залп с другого берега, и моего товарища сильно ранило... Он скончался прямо на наших руках. В самом Кёнигсберге мы стояли недолго, пошли дальше...

Мелькали указатели с названиями немецких городов, написанных готическим шрифтом. Их Варламову было уже трудно вспомнить. Но помог пожелтевший листок с полустертыми буквами: «От 21 и 22 января 1945 года вам дважды объявлена благодарность за отличные боевые действия в Восточной Пруссии и за овладение городами Найденбург, Танненбург, Едвабно, Аллендорф и Алленштайн». Это – благодарность Ставки Главного Командования, она была вручена Владимиру Алексеевичу Варламову перед строем, как и медаль «За взятие Кёнигсберга».

И вдруг Владимир Алексеевич широко и радостно улыбнулся:

- До Берлина оставалось пройти всего 100 километров, когда нам вдруг объявили, что фашистская Германия капитулировала. Ох, как мы обрадовались! Обнимали друг друга, целовались, плакали даже и палили в небо из всего личного оружия. Стоял сплошной треск автоматов, ручных пулеметов, стреляли из винтовок и пистолетов... В Германии мы пробыли всего два месяца, а потом многих демобилизовали и отправили в Россию... Милая Родина, Россия наша, матушка...

На границе, пока проверяли пограничники проездные документы, не могли солдаты насмотреться на родную землю... И хмурились они, вглядываясь в разрушенные города и посёлки, в перепаханные снарядами поля. И каждый вспоминал при этом родные места. Но не сразу Варламов увидел дом родной:

— Наше село Малосергеевка Тамалинского района Пензенской области — небольшое. Как началась война, отец на фронт ушёл, а меня и ещё

нескольких ребят непризывного возраста направили в Пензу на один из заводов. Оттуда и я на фронт пошёл. Из нашей родни, кроме отца и меня, воевали еще два брата отца. Нам всем повезло, мы вернулись домой, а меня даже во время боев ни разу не ранило. Да, повезло нам... А вот многие мои одноклассники, да и отцовы товарищи, погибли. Ну а я в свою деревню вернулся через несколько лет после Победы, так как меня направили учиться в танковом училище, присвоили звание лейтенанта. Служил в танковых войсках до 1962 года, - и ветеран надолго замолчал, вспоминая свой ратный путь...

САПЁРЫ, КОТОРЫЕ НЕ ОШИБАЛИСЬ

На парадном мундире полковника в отставке Евгения Николаевича Дроконова - 30 правительственных наград (боевых, ведомственных, юбилейных). К сожалению, теперь мундир уже несколько лет висит в шифоньере, а хозяин – в мире ином... А я до сих пор представляю его бодрым и весёлым.

Он надевал мундир по торжественным случаям, когда его приглашали в воинскую часть 73420 на встречу с молодыми воинами или в школы, где он делился воспоминаниями о своей службе в армии, которая для военного человека, прежде всего - служба Родине. А она для Евгения Дроконова началась 24 октября 1939 года.

Евгений Дроконов родился и вырос в Астрахани. С отличием окончил десятилетнюю школу имени Максима Горького и поступил в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Первый день учёбы в институте - 1 сентября 1939 года - совпал с началом второй мировой войны. Именно в этот день нацистская Германия начала войну с Польшей.

Советское правительство встревожилось: хоть и заключён с Германией Пакт о ненападении, а дерзкий захват Польши говорит о явных агрессивных планах Германии. Следовало принять меры предосторожности, и Верховный Совет СССР издал Постановление о сокращении призывного возраста на два года: в армию призвали юношей сразу нескольких возрастов - от 18 до 21 года, в том числе и студентов высших учебных заведений. Большинство студентов направили в полковые школы сержантов: армии требовались грамотные, хорошо обученные младшие командиры, так что десятилетнее образование призывника Дроконова и год учёбы в институте военкомат оценил по достоинству - Евгения тоже направили в полковую школу, расположенную в украинском городе Славянске.

В марте 1940 года сержант Дроконов оказался на Черноморском флоте, где формировались инженерные части для Краснознаменного Балтийского флота. К тому времени советские войска уже были введены в Прибалтику - там спешно строились военно-морские базы и сухопутные гарнизоны. Вот подразделение Дроконова и отправили в Эстонию на строительство военно-морской базы для подводных кораблей в Палдиски неподалеку от Таллина. Там требовалось обустроить военный городок и провести большую работу по созданию береговой обороны.

Буржуазная страна Эстония была хоть и маленькая, но богатая, с развитым сельским хозяйством. Эстонцы не желали присоединяться к Советскому Союзу и относились к русским враждебно, поэтому среди

эстонцев росло возмущение. Однако Советское правительство, полагавшее, что расширение границ удлинит путь врага до центра СССР, сменило эстонское правительство, допустившее волнения среди народных масс - Эстония вошла в состав СССР. И лишь спустя полвека, когда создались предпосылки развала Советского Союза, Эстония вышла из его состава.

Евгения Дроконова проблемы Эстонии не волновали, гораздо больше думал о том, что служба в армии прервала учёбу в институте. Конечно, юноша не роптал, как и все молодые люди, призванные в армию - надо, значит надо, просто жаль было времени, которое отшлифует его воинское умение, но ничего не даст для собственного будущего. И тогда Евгений решил подать заявление в военно-химическую академию, но получил отказ, потому что в академию принимали офицеров, а он - сержант. Евгений не отчаялся, подал рапорт в Московское военно-инженерное училище и был зачислен. 6 июня 1941 года он уехал из Эстонии полный надежд и желания продолжать образование, даже не подозревая, что через две недели разразится беда.

- Я считаю, мне повезло, что в начале войны находился не в Эстонии, а в Москве, хотя 22 июля начались бомбёжки Москвы, - вспоминал Евгений Николаевич Дроконов, - и погибнуть можно было в любой момент. Дело в том, что предатели, диверсанты во время бомбёжек указывали расположение военных и прочих важных объектов, и нас, курсантов, ставили в боевое охранение, и мы не имели права уйти в укрытие. А на крышах дежурили добровольные пожарные дружины и бомбы-«зажигалки» сбрасывали вниз, если во время особенно интенсивного налёта не успевали гасить их прямо на крыше. Так что погибнуть можно было и от пули диверсанта, и от взрыва бомбы. Правда, мы в Москве находились до октября, как раз в этом месяце правительство приняло решение эвакуировать из Москвы население и имущество наиболее важных предприятий. В том числе подлежало эвакуации и наше училище. Преподавательский состав, их семьи, имущество училища погрузили в эшелон и направили в город Мензелинск, находившийся в Башкирии (сегодня он входит в состав автономной Татарской республики – ред.). А весь личный состав отправился туда пешим порядком.

Курсанты и их непосредственные командиры должны были дойти до города Горький, а там погрузиться на баржи и плыть далее до Мензелинска. Кто теперь скажет, почему приняли такое решение - то ли потому, что не хватало эшелонов, то ли требовалось время для благоустройства и размещения учебного оборудования на новом месте, то ли считалось, что курсант обязан закаляться?

До Горького курсанты добрались примерно через неделю, а там они и в самом деле погрузились на баржи, но время шло к зиме, а они направлялись в сторону Урала, где реки уже покрывались льдом. Баржи, на которых курсанты плыли в Мензелинск, чуть не затерло во льдах на реке Каме. И дальше пошли опять пешком. Словом, добирались курсанты до места назначения месяц, прибыли туда 28 ноября, как раз в день двадцатилетия Евгения Дроконова. В Мензелинске училище разместилось в помещении сельскохозяйственного техникума, и для курсантов сразу же организовали санитарную обработку, потому что все были грязные, завшивевшие: в пути ночевали в палатках или вповалку на полу деревенских домов, мыться не приходилось. И началась напряжённая учёба, потому что в начале войны подготовка курсантов в военных училищах была сильно сокращена – фронту требовалось большое количество офицеров.

28 февраля 1942 года в училище состоялся первый выпуск. Дроконову присвоили звание лейтенанта, и в марте он прибыл на Западный фронт под Москву. Впоследствии этот фронт переименовали в Центральный, затем - в Брянский, знаменитый битвой на Орловско-Курской дуге, потом фронт стал называться Белорусским, а после его разделения Басалаев воевал на 1-ом Белорусском. И всегда с благодарностью вспоминал преподавателей училища – знания они дали прочные, это всегда помогало по службе.

В функции инженерных войск входило многое. И хотя они не находились на передовой с оружием в руках, люди всё-таки постоянно рисковали жизнью. И каждый день – в памяти:

- Нам приходилось заниматься инженерной разведкой, например, искать более удобную переправу. Во-вторых, мы строили оборонительные сооружения, командные и наблюдательные пункты, мостили дороги в болотах. В Смоленской области много болот, и мы строили дороги двух типов - либо гатили лежневые поперечные дороги, либо строили коллейные. Лес, между прочим, валили сами. Строили также мосты, ведь немцы, отступая, их взрывали. А по ним должны были следовать танки, многие весом до 50 тонн. Взять хотя бы танки «КВ» - Клемент Ворошилов» или «ИС» - Иосиф Сталин. Это же громадины! У меня брат Георгий был танкистом. Бывало, посмеивался, мол, на танке ездит под защитой брони, а я пешком топаю. Я жив, а он погиб под Харьковом, покоится сейчас в братской могиле в селе Ефремовка. Танкисты, например, не могли спастись от фаустпатронов, которые имели коммунитивный снаряд, прожигавший броню, как нож масло. Или же болванка сшибала башню. Из экипажа, которым командовал мой брат, остался жив только механик-водитель, он и написал нам о гибели брата. Словом, на войне всюду опасно, тем более что во время

отступления и обороны приходилось минировать нейтральную полосу, подходы к расположению частей, к которым были приданы сапёры. В обороне мы строили блиндажи, прочие укрепления. Помните песню «... землянка наша в три наката»? Так и было - копалась яма глубиной до четырёх метров, стены укреплялись, а сверху - брёвна в три-четыре ряда. Иной раз требовалось построить блиндаж в течение суток. Инструменты - двуручные пилы, топоры да лопаты. Техника во взводе - 10 пароконных подвод. Материалами обеспечивали плохо. Так что командиры были ещё и снабженцами - искали железо, потом кузницу, где можно было бы выковать гвозди, скобы. Поэтому они старались из числа новобранцев в свои части набирать строителей, кузнецов. Для командиров рот была ещё трудность в том, что солдаты подразделения находились на разных объектах, а поспеть нужно всюду. У меня был конь белого цвета - Орлик, красивый, умный конь, вот на нём и добирался до своих бойцов. Орлика убило при форсировании Десны, где мы строили мост. Было приказано начать строительство моста, а немцы ещё не ушли с позиций на противоположном берегу. Мост быстро и бесшумно не выстроишь. Мосты строились свайные, если река глубокая, и рамные, если глубина небольшая. Сваи забивались «бабами»: в бревне, предназначенном под сваю, делали с торца отверстие, туда вставляли лом, устанавливали площадку, и солдаты, стоя на площадке, били по свае «бабой». Представляете, какой шум был? Короче говоря, немцы нас начали бомбить - 25 самолётов вертелись над головой: одни, отбомбившись, улетали, другие начинали свой заход на бомбежку, день стал похож на ночь, и Орлика, моего коня, смертельно ранило. Наш старшина и говорит, мол, всё равно умрёт, давайте пристрелим коня и - в котёл. Мы так и сделали. А вообще моё подразделение в течение войны построило пять мостов. За строительство моста через реку Десну 17 октября 1943 года меня наградили орденом Отечественной войны II, я тогда уже командовал ротой.

Инженерные войска (сапёры), казалось, непосредственно не участвуют в наступлении, во время боев их даже отводят в «тыл» - до трёх километров от передовой, но это в военной обстановке равно одному шагу - авиация бомбила тылы, и вражеская артиллерия «лупила» по тыловым коммуникациям. Так что сапёры тоже подвергались немалой опасности, причём, как ни странно, между боями. А Евгению Николаевичу везло - его ранило лишь однажды в руку под Смоленском. Правда, дважды настигали мелкие, как занозы, осколки, впивались в лицо, и он их вытаскивал сам. Однажды глянул смерти прямо в лицо - на Десне. Наблюдал Дроконов за строительством траншеи, а немцы начали миномётный обстрел. Одна из мин

взорвалась прямо перед ним, но осколки пошли вниз, в траншею. Двух солдат убило, троих - ранило, а его не задело.

Осенью 1942 года под Смоленском (во время обороны), часть, которой были приданы сапёры Дроконова, стояла у подножия высоты 168. На ней засели немцы, а передний край находился метрах в двадцати пяти от наших окопов. Командование, вероятно, вспомнив, как Суворов при помощи подкопа взорвал стены Измаила, дало задание подкопаться под позиции фашистов, взорвать их и тем обеспечить захват высоты.

- Замысел, несомненно, хорош, - рассказывал Евгений Николаевич, - и мы заложили в подкопе фугас из пяти тонн взрывчатки. Наступление наметили на четыре часа дня, чтобы к ночи взять высоту и до рассвета успеть окопаться. На линии наступления скопилось много людей, в том числе и сапёры, обвешанные противопехотными минами (тротилловые шашки 75 и 200 граммов), кроме того, каждый из них имел при себе «малозаметные препятствия» - мотки тонкой проволоки, в которой можно запутаться, как в сети. В общем, казалось, всё было готово к удачному наступлению. Но не предусмотрели, что вынутый из штольни грунт надо куда-то девать, а сверху, с горы, всё видно, и свежевырытую землю, как её ни маскируй - тоже. К тому же накануне наступления к немцам убежал один из солдат, сообщил о подкопе и времени наступления. Враг «зевать» не стал: отведя потихоньку свои части из траншей, начал артподготовку, причём стремился попасть в фугас. Взрыв был ужасен, людей разметало по сторонам на десятки метров, да ещё начали детонировать противопехотные мины. Словом, пострадало множество советских бойцов. Затем со стороны немцев последовала короткая и ожесточённая атака, и в результате наши откатились далеко от подножия горы.

На Орловско-Курской дуге Евгений Дроконов командовал ротой. Она входила в состав 309-го армейского инженерного батальона 50-й армии. Стрелковые подразделения, выбив врага с занимаемых позиций, шли вперёд, а впереди войск – сапёры, которые при наступлении чаще всего занимались разминированием, чтобы открыть путь в минных полях для войск. А это очень опасная работа. Свои-то минные поля знали - сами ставили заграждение в период обороны, а вот вражеские... Хорошо, если имели карту, принесённую разведчиками, но часто действовали вслепую, ведь проходы в полях делались скрытно, ночью. Однажды Дроконов в течение месяца занимался ночным разминированием, за что его наградили медалью «За отвагу», и очень гордился, что на груди такая, очень почитаемой фронтовиками медаль.

- Немцы, - вспоминал Евгений Николаевич, - очень хитро минировали дороги. Ставили на глубине противотанковую мину, сверху - кусок дерева, а ещё выше - противопехотную. Миноискателем можно обнаружить противопехотную мину и обезвредить её, а противотанковую при двухъярусном минировании обнаружить трудно - она срабатывала лишь под весом танка. Бывало, срывало только гусеницу, а если днище прошибало, тогда танкисты погибали. В населённых пунктах немцы минировали всё, что попадалось под руку - заводы, плотины, мосты, здания, где размещались штабы и различные учреждения. Минировали, уходя, блиндажи, где жили до момента отступления. Помнится, один из офицеров нашего батальона погиб, войдя в заминированный блиндаж.

Большинство сёл враги, уходя, сжигали дотла, в городах - большая часть зданий разрушена, но самое страшное зрелище - виселицы, на которой ветер раскачивал до пяти-шести тел. В каждом населённом пункте стояли эти виселицы. И тогда кулаки сжимались от ненависти, и росло желание поскорее задавить врага в его же логове. Именно в фашистском логове, в Берлине, и встретил Евгений Дроконов день Победы.

К штурму Берлина советское командование готовилось тщательно: разрабатывался во всех деталях план военной операции, войска пополнялись людьми, техникой. Огромное значение уделялось моральному состоянию солдат, потому был налажен массовый выпуск листовок. Однажды я прочла воспоминания писателя Юрия Мишаткина о военном «трофее» его отца – листовках, которые он привёз с фронта. Одна была из серии обновляющихся плакатиков: «Вперёд! Победа близка! До Берлина – 75 километров. Настал час возмездия!» На следующий день самолёты сбрасывали листовки с новой цифрой, потому что войска продвигались вперёд. Эти цифры грели сердца солдат и наполняли надеждой, что близок конец войны.

Одну такую листовку сохранил и Евгений Николаевич, она была напечатана на алой бумаге и датирована 17 апреля 1945 года. Сам цвет, как знамя, звал вперёд в решительный последний бой. И слова в ней – пламенные.

«Товарищи бойцы, сержанты и офицеры! Красная армия, - писалось в листовке, - богатырской поступью уверенно и безостановочно движется всё дальше и дальше по земле врага, беспощадно громя его войска. Фашистский зверь предпринимает бешеные усилия, стремясь отдалить час своей гибели. Воины Красной Армии, воодушевлённые великой освободительной миссией не знают непреодолимых преград, неразрешимых задач на полях сражений. Закалённые в огне битв, умудрённые знаниями и опытом, они бьют врага наверняка.

Отважные воины!

Наши части, перейдя в наступление, за два дня ожесточённых и упорных боев прорвали три сильно укрепленные полосы противника с многочисленными линиями траншей и открыли путь на Берлин. Немцы потеряли убитыми свыше 5000 человек, взято в плен 1500. Захвачены большие трофеи. В этих тяжёлых боях наши части действовали хорошо. Личный состав проявил героическую настойчивость, железную волю к победе и зрелое воинское мастерство.

Боевые друзья!

Военный совет армии призывает вас ещё стремительнее продвигаться вперёд и устремлять все свои силы, волю, умение и решительность, мужество и отвагу на самоотверженное выполнение приказа нашего вождя товарища Сталина о наступлении на Берлин. Смерть немецким захватчикам!».

Любая битва фронтовику памятна, однако сражение за Берлин - на особой полочке памяти. Вот и Евгений Николаевич Дроконов, чьё подразделение – 87-й отдельный гвардейский сапёрный батальон - находилось в составе 75-й гвардейской стрелковой дивизии, никак не мог забыть те весенние дни сорок пятого года:

- Большим препятствием для нас были реки, каналы, и всё необходимо преодолеть. Берега Шпрее и всех этих многочисленных каналов - в бетоне, с ходу не форсируешь, ведь на другом берегу обязательно враг, и он ожесточённо огрызается огнем. Мосты же, как правило, взорваны. И попробуй-ка втащить под шквальным огнём пушку на противоположную сторону, если откос до 60 градусов! Вот и приходилось взрывать береговые укрепления, а чтобы не было больших выбросов в нашу сторону, мы закладывали взрывчатку на разрыхление, то есть укладывали толовые шашки весом поменьше, но чаще. Ну а минёры, чтобы их не задело при взрыве, прятались в различные углубления - метрах в трёх-пяти рванет, а ты лежишь в углублении, лишь голову прикрываешь ладонями.

Земля-матушка... Она была родимой и для немцев, которых вытеснили из оккупированных стран. Теперь они защищали свою землю и зарывались в неё основательно, даже траншеи углублялись метра на два. И потому перед наступлением пехоты артиллеристы хорошо «обрабатывали» немецкие позиции, не жалея снарядов, которых к концу войны было много, ну и «катюши» хорошо помогали. «Выкурят» противника из нор, он отойдёт на другие позиции, а наша пехота попадает на минные поля. Пока сапёры занимаются разминированием, противник успевает окопаться. К концу войны наши сапёры, конечно, поднаторели в способах обезвреживания мин, например, зацепляли «кошками» на веревках или уничтожали накладными

зарядами взрывчатки, чтобы хотя бы проход в минном поле сделать. Но так было на подступах к Берлину - сплошные укрепления, а вот город специально не укреплялся, там каждый дом превращался в дзот и отдельное поле сражения.

- Немцы, - рассказывал Евгений Николаевич, - загоняли в подвалы пушки и оттуда вели прицельный огонь - всё простреливалось, каждый метр. Едва выбьем немцев из дома, а они по каналам коммуникаций перебираются в следующий - и опять все заново начинается. Мы не могли даже предположить, куда они могут отойти, потому что не знали схем линий связи, труб водоснабжения. Кроме того, немцы использовали для обороны и метро. Мы, конечно, преследовали их и там, и вот 30 апреля фашисты решили «захватить» с собой на тот свет побольше советских солдат, поэтому открыли речные шлюзы и затопили метро. А ведь там были и гражданские - дети, женщины, старики. Наших тоже немало погибло, тех, кто мог вырваться на поверхность, но помогал гражданским. Советские солдаты, хоть и были злы на гитлеровцев, разрушивших наши города и сёла, погубивших тысячи людей, всё-таки очень гуманно относились к гражданскому населению, особенно к детям. Ведь не зря установлен монумент советскому солдату в Трептов-парке, который, не задумываясь, что и сам может погибнуть, спас немецкую девочку. Именно этим и отличались наши солдаты, которые воевали с военными, а не с гражданским населением, чего не скажешь о фашистах. Впрочем, и среди наших встречались выродки, а среди немцев - хорошие люди...

Казалось бы, никогда не примириться двум великим странам – России и Германии - после такой кровопролитной войны, ведь с обеих сторон, пожалуй, не было семей, по которым не «пропахал» смертельный военный лемех. Однако немцы первыми, спустя десятилетия, сделали шаг навстречу и покаялись перед россиянами за страшную беду, пришедшую с их земли.

Главная отличительная черта людей от животных – человечность – стала показательной в отношениях немцев и русских в конце XX века, и выразилось это совершенно удивительным способом. После разрушения Советского Союза на территории западных постсоветских республик и в бывших социалистических странах, освобожденных от фашистского гнета советскими войсками, прокатилась волна вандализма – разрушено 500 памятников солдатам-освободителям, осквернены сотни братских могил. А в Германии эти святые места, как ни странно, бережно охраняются: могилы ухожены, возле памятников – живые цветы. Отреставрирован бронзовый памятник солдату Победы в Трептов-парке. Восстановлены даже выбитые золотом в мраморе цитаты Сталина о подвиге советских воинов. Более того,

в центре Берлина открыта мемориальная доска, посвященная подвигу советского солдата-сибиряка Николая Масалова, который 30 апреля 1945 года обнаружил в развалинах неподалеку от рейхстага плачущую девочку и, рискуя собственной жизнью, под пулями врага вынес её в безопасное место.

Подобные подвиги совершали многие советские солдаты, однако именно поступок Масалова подтолкнул к идее создания монумента воину-победителю в Трептов-Парке. Автор монумента - скульптор Евгений Вучетич, ставший позднее автором мемориального комплекса на Мамаевом Кургане в Волгограде. Прототипом воина в Трептов-Парке стал Иван Одарченко, красивый, атлетически сложенный молодой человек, настоящий русский богатырь. Девочку на руках воина-освободителя Вучетич слепил с дочери берлинского коменданта Котикова. Глава страны и Верховный Главнокомандующий вооружённых сил СССР Иосиф Виссарионович Сталин одобрил проект памятника, он же посоветовал «вооружить» памятник не автоматом (таков был первоначальный вариант), а «вложить» в руку гранитного солдата меч – это оружие всегда олицетворяло мощь сказочных русских воинов, да и реальные княжеские дружинники тоже были вооружены мечами.

Открытие памятника состоялось в 1949 году. В почётном карауле во время торжества стоял Иван Одарченко, который так и оставался «при памятнике» до конца службы в армии. Потом он бывал в Трептов-парке несколько раз как обычный турист, а в 2005 году, накануне празднования шестидесятилетнего юбилея Великой Победы советской страны над фашистскими захватчиками, съездил в Берлин на «свидание» с самим собой последний раз: ветерану-фронтовику более 80 лет, и ему трудно совершать длительные путешествия.

Николаю Масалову, имя которого, в отличие от других солдат, свершивших такой же подвиг, история сохранила, власти Берлина в знак уважения и благодарности предложили переехать в их город, даже выделили жилплощадь. Однако человек-легенда, видимо, не мог стереть из памяти картины разрушения, оставленные немецкими войсками в период отступления, не мог забыть про горе, причинённое врагом советскому народу. Поблагодарив за оказанную честь, Масалов не покинул свою многострадальную Родину, остался жить в селе Тяжин Кемеровской области, там и скончался на 79-ом году жизни.

Но эти события произошли позднее, а в 1945 году Берлин был разрушен почти полностью, как в свое время и Сталинград. Наше посольство в то время разместилось в единственном уцелевшем на улице Унтер-ден-

Лиден здании, а до войны, говорили, это была одна из самых красивейших улиц.

И всё-таки самое яркое военное впечатление для каждого фронтовика - грохот салютной стрельбы: в честь Победы солдаты стреляли в небо до последнего патрона автоматных дисков и винтовочных обойм.

9 мая было объявлено праздничным днем. С утра дивизия построилась с развёрнутыми боевыми знамёнами. Рота за ротой в торжественном марше прошли перед комдивом Героем Советского Союза генерал-майором Василием Акимовичем Горишным. И светлая мысль у каждого трепетала в голове: «Я жив, впереди - мирная жизнь!»

Она и в самом деле наступила - мирная жизнь, и Дроконова отпустили в отпуск, который он провёл в родной Астрахани. За время отпуска Евгений сделал предложение девушке, с которой учился в одной школе, жил на одной улице и переписывался во время войны. Ирина ответила на его предложение согласием, так что вернулся в часть Евгений уже женатым человеком, и с тех пор они с Ириной Ильиничной шли по жизни рука об руку, смотря друг на друга с нежностью и любовью.

Покинул Германию Дроконов лишь в 1946 году. Его 75-я гвардейская стрелковая дивизия, оказавшись в Советском Союзе, кочевала с одного места на другое - Тула, Калуга, Рязань... Тула запомнилась тем, что к Евгению Николаевичу приехала Ирина Ильинична и в один из свободных дней они посетили усадьбу писателя Льва Толстого «Ясная Поляна». Немцы разграбили музей-заповедник, и это сильно удручало экскурсантов – исчезла часть российской истории, её культурного наследия. В Туле военные инженеры оказывали помощь в налаживании мирной жизни – восстанавливали разрушенные здания, а в Калуге – разминированием территории. Там же, в Калуге, Дроконова нашли медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

В октябре 1947-го Евгения Николаевича снова отправили в Германию. Он работал в советской военной администрации Дрездена до 1953 года, затем его направили учиться в Москву в военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева - и в послевоенное время армии требовались умелые, компетентные офицеры, познавшие военное дело на практике. Довелось ему и самому быть преподавателем – он работал начальником военной кафедры Инженерно-строительного института им. А. И. Микояна в Куйбышеве (ныне – г. Самара), оттуда Евгений Николаевич в 1976 году ушёл в запас, но до того времени служил и в других местах.

В Волжский Е. Н. Дроконов впервые приехал весной 1958 года - советской армии требовались не только грамотные офицеры, которых

выпускали военные училища, но и квалифицированные специалисты среди рядового состава - время пил, топоров и лопат давным-давно ушло. Его назначили заместителем командира по строевой части 16-й школы подготовки младших специалистов плавающих машин.

Дроконов наблюдал за молодым пополнением, сравнивал новобранцев с солдатами своей фронтовой роты - там, случалось, попадались и малограмотные, главное, чтобы инструмент из рук не вываливался. Он часто вспоминал батальонного знаменосца Нарцисяна, которому в то время было лет сорок. В мирное время он жил в Тбилиси и работал парикмахером в Тбилисском оперном театре. Нарцисян говорил по-русски, а писать умел только на родном, армянском, языке, потому просил Дроконова написать адрес на конверте по-русски. Евгений Николаевич накрепко запомнил тот адрес - г. Тбилиси, улица Потийская, дом 11.

Нарцисян приглашал командира после войны приехать в гости, но Евгению Николаевичу так и не довелось побывать у боевого товарища - у военного человека и в мирный период мало личного времени.

Современные солдаты должны обладать прочными знаниями и профессиональными навыками - хоть и завершилась Великая Отечественная война победоносно, а мир по-прежнему оставался разделённым на два противостоявших друг другу лагеря: социалистический и капиталистический. Потому солдаты школы принимали участие в различных учениях, возвращались оттуда с благодарностями и поощрениями. Однако ребятам и между учениями хватало практики: природа часто «выкидывала коники» - то снегопад обильный, и тогда с удалённых чабанских точек вывозили скот и людей на основные базы, то паводок случался и опять - эвакуация.

С 24 сентября по 2 октября 1958 года личный состав школы участвовал в учениях с форсированием реки Волги. Курсанты успешно справились со всеми, поставленными перед ними задачами. О том, что судьба военного забросила его в Волжский, Евгений Николаевич не жалел:

- Хорошая часть. Командиры подразделений – боевые, многие прошли войну, как и мой товарищ - Григорий Иванович Подкопаев. Его батальон всегда был на хорошем счету. Среди рот, помню, часто на первом месте оказывалась рота Лебединского. Здорово была поставлена и воспитательная работа. По воскресеньям в расположении части устраивались спортивные соревнования на собственном стадионе, оборудованном по всем правилам – с футбольным полем, беговыми дорожками. Чемпионов награждали Почётными грамотами, призами. Ежегодно на 1 мая, 9 мая, 7 ноября часть принимала участие в демонстрациях. Готовились к этому целый месяц – тренировались в строевом шаге, ведь торжественным маршем по главной

площади (тогда так звалась Комсомольская площадь) шла вся часть, строго соблюдая интервалы между подразделениями и равнение в шеренгах. Это было величественное зрелище, потому что во главе части и ротных колонн шли боевые офицеры с множеством наград на груди, и это вызывало бурные аплодисменты и овации среди мирного населения, наблюдавшего военный парад.

Память ветерана сохранила замечательный случай.

12 апреля 1961 года вся страна ликовала, узнав, что в космосе находится советский лётчик - Юрий Алексеевич Гагарин. В центре управления полётом, видимо, не были твёрдо уверены, где и когда приземлится космонавт - ведь это был первый полёт человека на космическом корабле, неизвестно, как поведет себя, управляемая с Земли техника. Командование многих воинских подразделения было предупреждено о его приземлении и получило приказ встретить космонавта. Военнослужащие части 73420 несколько дней дежурили на Цымлянском водохранилище и прочих водоёмах. Но Гагарин приземлился в точно заданном районе - техника не подвела, и его встретили те, кому положено. Такая же команда поступала во время полётов Германа Титова, Валерия Быковского и Валентины Терешковой. Однако техника работала надёжно, и «зеленовцы» так ни разу и не увидели ни одного космонавта. Зато видели других знаменитостей, ведь новую красавицу-ГЭС хотели посмотреть многие, в том числе кубинский лидер Фидель Кастро. И глава страны Советов Никита Сергеевич Хрущев приезжал: к его приезду за одну ночь проложили до стадиона дорогу от трассы, идущей на остров Зелёный. Волжане ту дорогу прозвали хрущёвской.

А еще бывали в Волжском шах Ирана Реза Пехлеви, югославский руководитель Иосиф Броз Тито, премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Именно в то время зародилось в молодом городе интернациональное движение, перевоплотившееся в 1969 году в городской Комитет защиты мира, ведь для советского народа, пережившего ужасную и кровопролитную вторую мировую войну, самым важным был мир, его стремились они сохранить любой ценой.

И корни Карбышевского движения (генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев погиб в ночь с 17 на 18 февраля 1945 года в фашистском концлагере Маутхаузен - пьяные эсэсовцы поливали ледяной водой группу военнопленных, среди которых находился и Карбышев) именно в том времени, оно живо до сих пор. В Волжском имя Карбышева носит 18-я школа и площадь, на которой установлен памятник легендарному российскому военному фортификационному специалисту, его

именем была названа одна из бригад на заводе Органического синтеза. Памятник Д. М. Карбышеву есть и на территории части 73420. 3-7 мая 2013 года в Волжском прошёл очередной слёт юных карбышевцев, и воинская часть была базой слёта.

Из Волжского Евгения Николаевича Дроконова направили (1967-1970 гг.) советником в школу сирийских инженерных войск. Волжский же выбрал и своим постоянным местом жительства, когда ушёл в запас из Академии в 1976 году (там он служил после Сирии) - прикипело, видно, сердце к молодому городу.

Ирина Ильинична и Евгений Николаевич вырастили двоих сыновей. Старший, Георгий, избрал мирную профессию. Младший, Илья, как и отец, стал военным, правда, специальность имел иную - военный переводчик. Он в совершенстве владеет английским и китайским языками. За время службы Илье довелось побывать в семнадцати странах Европы, три раза был на Африканском континенте, естественно, что не раз посещал и Китай. В один из приездов Ильи к родителям вышел забавный случай. Оказались они с отцом в Лебяжьей Поляне и случайно встретили китайцев, которые арендовали там земли для выращивания овощей. Илья взял да заговорил на их родном языке. Китайцы опешили: в глубине России кто-то знает их язык? Однако охотно поговорили с Ильей.

Сейчас он живёт в Санкт-Петербурге, где выпустил книгу о военном прошлом отца – «Путь солдата». И эта книга стоит на моей книжной полке на почётном месте.

СЫН МАШИНИСТА

Великая Отечественная война... Как много судеб она искалечила, нарушив соразмерный ход истории русского народа! События тех страшных пяти лет заставили многих изменить свои планы на будущее, развеяли мечты, изменили характеры.

27 мая 1926 года в городе Караганде в семье машиниста-железнодорожника Даниила Зятькова родился сын Михаил. Смышлёный, талантливый мальчишка, увлекшись живописью, мечтал посвятить жизнь изобразительному искусству и архитектуре. Но судьба распорядилась иначе.

Осенью 1943-го года, не успев получить аттестат зрелости, Михаил Зятков ушёл добровольцем в ряды Советской армии. Три с половиной месяца учился в Барнаульской снайперской школе и окончил учёбу с отличием. Его направили в белорусский город Рогачев, где велась подготовка к наступлению советских войск согласно операции «Багратион». Михаил Зятков готовился защищать свободу и независимость своей страны на

передовой, но фронт нуждался не только в отличных снайперах, в хороших офицерских кадрах - тоже. Потому через пару недель в числе немногих солдат Михаил отправился в город Кострому, где располагалось эвакуированное Ленинградское военное инженерное училище.

Шел 1945 год. Михаил изучал в военном училище тактику ведения военных действий, знакомился с техническими новшествами. А тем временем обстановка на фронте улучшалась, наши войска приближались к Берлину, и весть о безоговорочной капитуляции Германии Зятков узнал, находясь в наряде.

В июне сорок пятого пришёл приказ передислоцировать училище обратно в город Ленинград. Курсант второго курса Михаил Зятков был среди тех, кого направили расчищать Михайловский замок, территорию вокруг него. Курсанты с заданием справились прекрасно. С тех пор замок, построенный несколько веков назад, в народе стали называть не иначе как инженерным, поскольку в нём расположилось инженерное училище.

В 1947 году лейтенант инженерных войск Михаил Зятков, с отличием окончивший Ленинградское военное училище, получил право самому выбрать место своего назначения. Выбор пал на Прикарпатский военный округ. В том краю Зятков никогда не был, и потому его интересовала и притягивала магическая, загадочная природа края.

Часть, где началась офицерская служба Зяtkова, находилась в небольшом городке Могилев-Подольский, практически полностью разрушенном во время войны. А через полтора года его направили с отдельным понтонно-переправочным полком в немецкий город Луккенвальде - в 50-60 километрах от Потсдама. В 1950 году Зятков снова вернулся в Могилев-Подольский, затем был переведен в другой украинский город - Самбор, расположенный неподалеку от границы с Польшей, а после очередных крупных учений – в город Виноградов Закарпатской области, который находился почти на стыке границ трёх государств: СССР, Румынии и Венгрии.

То, что инженерные войска оказались именно в этом месте, легко объяснимо: в случае начала военных действий при переправе войсковых подразделений через реку Тиссу будут необходимы и понтонные мосты, и обслуживающий персонал.

Затем – новое назначение: Тюменское военное инженерное училище, где Михаилу Даниловичу очень пригодился опыт общения с людьми, умение учитывать индивидуальность характера каждого из них.

Оседлая жизнь преподавателя училища вошла в спокойное русло: служба, семья. Но судьба военного такова, что в любой момент можно

получить приказ о переводе на новое место назначения. Так и вышло - М. Д. Зятькова перевели в 16-ю школу младших специалистов плавающих машин на должность командира курсантов водолазного батальона.

Часть существовала уже 11 лет, но всё ещё практически находилась в стадии становления. Приходилось прикладывать максимум усилий для её развития, оснащения, обучения курсантов, чем и занималось командование и все офицеры части. Именно в то время был сооружён отличный водолазный полигон, где и по сей день проводятся учения водолазов, в том числе и по спасению экипажа танка. На полигоне испытывалось новое водолазное снаряжение и оборудование для работы под водой. Под руководством Михаила Дмитриевича курсанты осваивали подводный разведчик «Протей» для передвижения водолаза под водой, производили спуски под воду с катеров, как летом, так и в зимний период.

Немало отличных водолазов подготовил М. Д. Зятьков. Он доволен тем, что судьба подарила возможность оказаться среди хороших специалистов, где традиционны взаимопомощь, товарищество, чувство ответственности - основополагающие характеристики окружавших его людей. К сожалению, многие из тех профессионалов, с которыми он познакомился в Волжском, отслужив положенный срок, покидали расположение части. Тем не менее, учебная часть из года в год выпускает хорошо обученных водолазов и других младших специалистов инженерных войск, чьи навыки и умение не раз приносили пользу Отечеству.

В 1968 году Зятькова назначили на должность заместителя командира по учебной части, а возглавлял в то время часть Пётр Семёнович Фёдоров. А через два года пришёл приказ о переводе подполковника Зятькова в немецкий город Глау, расположенный в двадцати двух километрах от Потсдама. Прослужив там три года, Михаил Данилович Зятьков подал рапорт об увольнении в запас, поставив точку в военной карьере. Для постоянного места жительства он выбрал Волжский.

За годы службы Михаилу Даниловичу довелось общаться с большим количеством людей, каждый из которых – индивидуален, неповторим, иные в некоторых вопросах были гораздо его компетентнее. Зятьков охотно учился у них. В отношении подчинённых всегда руководствовался принципом тщательного анализа сложившейся ситуации, понимания, что могло стать причиной негативного поступка подчинённого, и потому никогда не кричал на солдат, не держал на разводах в строю более пяти минут. А ещё никогда не унижал их чувство достоинства, считая это крайней невоспитанностью и неуважением к людям. Такие жизненные позиции позволили Михаилу Даниловичу и после выхода в запас сохранить тёплые отношения с

сослуживцами. К сожалению, с каждым годом тех, кто писал историю части своими делами, своей преданностью Отечеству, становится всё меньше. Но именно такие люди, как полковник в отставке Михаил Зятьков, во все времена являются оплотом и гарантией безопасности страны, стабильности и покоя ее народа.

ВОИН И СТРОИТЕЛЬ

Юрий Васильевич Ларин – пятый по счету командир части 73420. Сменив С. А. Хотеева в 1982 году, возглавлял часть до 1989 года.

Ю. В. Ларин живет в Волжском, и хотя давным-давно в отставке, всё же нередко думает – как там идёт служба у его бывших подопечных? А их немало – Владимир Пазынюк, Владимир Макуха, Валерий Овдиенко. Валерий Ростовщиков (Герой России), Александр Гутман тоже служили под началом Ларина.

Путь Юрия Васильевича в зелёный город Волжский был долог, судьба, как многих офицеров, заносила его и в другие края.

Юрий Ларин родился в 1936 году в селе Аксёново Владимирской области, то есть - дитя военного времени. Когда началась Великая Отечественная война, ему не было и пяти лет. Однако детская память - цепкая, Юрий Васильевич помнит проводы мобилизованных в армию жителей села и отца на фронт.

Отец погиб в самом начале военных действий, а семья жила, как все в тылу: мать работала и воспитывала троих детей. Одно миновало их – лихолетье оккупации: Аксёново хоть и граничило с Московской областью, всё-таки находилось намного восточнее линии фронта. Однако от немецкой авиации доставалось: вражеские самолёты, огибая Москву (туда их не допускали войска ПВО), летали бомбить Владимир и райцентр Петушки, от которого до Аксёново всего шесть километров.

Самолёты, окрашенные в чёрный цвет, летели на небольшой высоте, звук дизельных моторов был низкий и неприятный. Но мальчишки есть мальчишки, они выбегали за околицу, заслышав тяжёлый рёв моторов, смотрели на пролетающие над селом немецкие машины, слышали взрывы в Петушках, ведь это была одна из ближайших к Москве железнодорожных станций, через неё шли эшелоны на фронт и обратно. А в Аксёново прибывали большие группы призывников, их по пять-десять человек размещали по домам, за околицей наскоро обучали, а потом отправляли в Москву. Пешком.

Немцев остановили перед Москвой в 22-х километрах, затем отбросили назад, и аксёновцам стало легче: жизнь сельских жителей вокруг Москвы

связана со столицей – туда уезжали из разорённых хозяйств в поисках работы, туда же везли продукты со своих подворий, оттуда – промышленные товары.

Аксёновские ребята учились в школе-десятилетке села Костерёво, там, естественно, учился и Юра Ларин. И как всякому десятикласснику, Юре пришла пора решить к завершению учёбы, как строить свою дальнейшую жизнь. Судьба предстала перед ним в лице работника райвоенкомата, который сообщил о наборе в военные училища – выбила война квалифицированных специалистов, армии очень нужны грамотные офицеры.

Юра решил поступить в Московское высшее военное инженерное училище, но учиться пришлось в Калининграде (так стал называться немецкий Кёнигсберг в Восточной Пруссии, отошедшей к России согласно договору о капитуляции с побеждённой Германией). Калининградское училище впоследствии стало самым престижным военным инженерным училищем в стране.

Однако завершить учёбу в Калининграде Юрию Ларину и его однокурсникам не удалось.

Армии требовалось всё больше военных инженеров, так как именно инженерные войска часто вели восстановительные работы в разрушенных населённых пунктах, потому в Тюмени открылось новое училище. Преподавательский состав нового училища сформировали из опытных офицеров инженерных войск и преподавателей военных училищ. Чтобы ускорить время первого выпуска, начальный курс скомплектовали из новичков, а последующие - из курсантов Калининградского и Ленинградского училищ. Так Юрий Ларин оказался в Тюмени, стал выпускником именно этого училища, получил диплом с квалификацией профессии «техник-строитель» по специальности «строительство и эксплуатация дорог, мостов, оборонительных сооружений и воинских зданий, взрывное дело». Это случилось в 1958 году.

Лейтенант Юрий Ларин свою службу начал командиром взвода отдельного инженерно-сапёрного батальона в Саратове. Учил и тренировал солдат, которым, согласно Уставу вооружённых сил СССР, необходимо было усвоить 15 учебных дисциплин от строевой и политической подготовки до изучения серьёзных специальностей, как, например, строительство мостов и зданий. После трёхлетней службы парни на родину возвращались прекрасными специалистами-строителями и занимали достойное место под солнцем. Именно такие надёжные ребята, демобилизовавшись из армии, прибывали целыми группами по комсомольским путёвкам на строительство ГЭС, города Волжского и химкомбината. И как знать, может, живут сейчас в

городе и воспитанники Юрия Васильевича Ларина, которые служили под его командованием в Саратове.

Однако инженерным войскам приходится выполнять не только созидательную работу, недаром в названии батальона было две части – инженерный и сапёрный. Вот именно как сапу Юрию Ларину и его солдатам приходилось выезжать по вызову в места скопления боеприпасов, обнаруженных после войны.

Ему запомнилась своим трагизмом командировка в Пензенскую область, которая во время войны не была оккупирована немцами, однако на её территории существовали полигоны для уничтожения различных боеприпасов. Причём уничтожались те боеприпасы безалаберным варварским способом: сваливались в огромные ямы и подрывались - ужасной силы взрыв разметывал по сторонам осколки взорвавшихся снарядов.

Однажды на одном из полей, которое эксплуатировалось колхозниками, солдаты собрали вместе с местными жителями пятьдесят тонн осколков. А на другом поле обнаружили снаряды для пушек-«сорокопяток», к счастью, без взрывателей. И надо же было такому случиться, что среди них оказался снаряд с взрывателем, и он попал в руки пареньку-пастушку. Любопытный пастушок вздумал посмотреть, что внутри маленького, аккуратного и, казалось, безобидного на первый взгляд снарядика. Взрыв снёс парню часть лица, навеки сделав его инвалидом. Это произошло на глазах сапёров, которых вызвали осмотреть яму, оставшуюся после утилизации снарядов, где подорвались на mine двое подростков. Не взорвавшиеся артиллерийские мины особенно опасны, потому что вылетают из ствола миномёта с взрывателем, который не сработал, но готовности сработать в любую минуту не потерял. И эта минута настала, когда любопытные мальчишки решили разобрать опасную игрушку на части. Уцелел лишь один, самый маленький, который просто не сумел спуститься вниз. Сапёры Ларина тщательно проверили миноискателями всю округу и нашли две тысячи снарядов от «сорокопяток», причём поле раньше не раз перепахивалось.

За подобные операции Юрий Васильевич Ларин не получил престижного среди сапёров знака «За разминирование», зато награждён орденом Красной Звезды, очень ценимый фронтовиками. А затем стали добавляться одна за другой медали «За безупречную службу в Вооружённых силах СССР» - за десять, пятнадцать, тридцать лет. А ещё Ларин награждён Почётной грамотой Министра сельского хозяйства Кара-Калпакской автономной республики, входящей в то время в состав Узбекской Советской Социалистической республики.

В общем, войны инженерных войск на войне идут впереди прочих войск, обеспечивая их жизнеспособность и боевые действия, а в мирное время помогают строить различные объекты и обслуживают свою зону ответственности, обезвреживая взрывоопасные предметы. Ларину довелось побывать и на Тоцком полигоне, правда, не в момент испытаний атомной бомбы. Что ж, Советский Союз вынужден был разработать и это особо смертоносное оружие: хотя и завершилась вторая мировая война, но по-прежнему существовали две враждующие стороны – капиталистическая и социалистическая. Причём первая, если не удалось уничтожить СССР во время войны с Германией, строила планы сделать это в будущем, начав против него холодную войну и навязав гонку вооружений, в которой советские конструкторы оказались впереди. Одним из таких конструкторов оказался Владимир Николаевич Челомей. В 1968 году он создал спутник-киллер для уничтожения разведывательных спутников США. Американцы сумели «поймать» этот спутник лишь в 1982 году и создать по его подобию свой спутник с такими же функциями. Челомей же создал проект космической станции «Алмаз», который потом стал пылиться в дебрях архива КБ Сергея Королёва. И всё-таки «Алмаз» увидел космос, но под новым именем – «Салют-3», потому что военным нужна была разведывательная станция с функциями «Алмаза», а Королёв, нацеленный своей мечтой на освоение космоса, к созданию такой станции не был готов. На «Салюте-3» стояло такое фотооборудование, которое американцам и не снилось, причем плёнка проявлялась сухим способом.

Из Тоцка капитан Ларин поехал на учёбу в Военную Академию. Годы учёбы в Академии, по признанию самого Ларина, самые лучшие в его жизни: никакой ответственности за других, кроме как за себя. После учёбы он, в чине майора, направился в Приморский край, потом служил на Украине в Актырке, затем – в Германии. Служба за границей – прекрасная аттестация офицеру: туда направляли самых лучших, проверенных, надёжных и компетентных специалистов.

Опыт и компетентность Юрия Васильевича Ларина позволили ему стать начальником оперативного отдела бригады, где он служил. Всё то, чем занимался Ларин в Германии как начальник оперативного отделения (организация и разработка планов учений на всех уровнях) и как начальник учебной части школы младших специалистов, помогло ему потом, когда возглавил Волжскую учебную бригаду подготовки младших специалистов инженерных войск.

В Волжский семья Лариных прибыла в 1982 году. Увидев красивый, просторный и зелёный город, Любовь Петровна, супруга Юрия Васильевича,

с которой они связали свои судьбы еще в Саратове, категорично заявила, что это – последний переезд. Поехала бы она всё-таки далее за мужем или нет, теперь уже не узнать, потому что войсковая часть 73420 (в то время она называлась 93-й учебной бригадой) стала последним местом службы полковника Юрия Ларина. Но зато отправилась в «путешествие» по стране их дочь Галина, которая вышла замуж за офицера.

Волжский учебный центр встретил Ларина застарелыми проблемами, которые не сумели или не успели решить прежние командиры.

Например, одна из проблем – благоустройство территории части, потому был построен новый обеденный зал в солдатской столовой, и часть перешла на приём пищи в одну смену. В столовой заменили кое-какое кухонное оборудование, в частности, посудомоечные машины, отремонтировали помещение кухни, облицевали стены кафелем, привели в порядок вентиляцию. Затем построили помещение для хранения продуктов. Затеяли возвести новую казарму, взяв за основу все расчеты одного из существующих казарменных зданий. А рядом со старыми казармами оборудовали летние умывальники, и солдаты всегда имели возможность ополоснуть лицо и руки в период удушающей летней жары. На территории части вблизи реки весной возникало небольшое озерко, и командование задумало построить купальню. Задумано – сделано: бассейн получился неплохой, просторный, с трёхметровой вышкой для ныряния, а вода регулярно пополнялась путем закачки из реки. В летний период в бассейне ежедневно купались солдаты, в нём же проводились окружные соревнования, и воины части не раз занимали призовые места.

Долго Юрий Васильевич «пробивал» строительство солдатского кафе, о чем думал с самого начала, как принял командование частью. Какое красивое и просторное было бы кафе, если бы округ утвердил проект, созданный солдатом части, который на «гражданке» получил архитектурное образование. В округе проект нашли неприемлемым для войсковой части и предложили свой, рассчитанный на 20-30 посадочных мест, с чем Ларин, конечно, не согласился. Кафе после долгих хлопот все-таки начали строить по третьему проекту. Его возводили в основном силами части.

В 1989 году он уволился из армии по возрасту. Ларин был заботливым командиром, умелым воспитателем подчинённых, пользовался солдатской любовью и уважением офицеров. Те, кто начинал служить в «злёновской» части при Ларине, вспоминают о нём очень тепло: Юрий Васильевич научил офицеров в единой солдатской массе видеть индивидуальность каждого курсанта.

ОРДЕН НА ЗНАМЕНИ

Осенью 1994 года в Волжском появилась ещё одна войсковая часть - рядом с посёлком Деревянный, так называли первостроители ГЭС самые первые жилые деревянные дома. До того времени там располагался один из батальонов 187-го Псковского ордена Красной Звезды учебного центра инженерных войск, сыгравшего в истории города Волжского очень важную роль.

Во время перестройки реформировалось не только общество, но и армия. И потому в 1991 году 9-я танковая Бобруйско-Берлинская Краснознамённая ордена Суворова II степени дивизия, которая дислоцировалась в Германии, была выведена в город Смоленск и расформирована. 109-й отдельному инженерно-сапёрному Лодзинскому батальону ордена Александра Невского (этот орден, как ордена Суворова и Кутузова, был узаконен 29 июля 1942 года), входившему в состав этой дивизии, предстояло влиться в 20-й гвардейскую мотострелковую Прикарпатско-Берлинскую Краснознамённую ордена Суворова II степени дивизию 8-го гвардейского армейского ордена Ленина корпуса Краснознамённого Северо-Кавказского военного округа. Место дислокации батальона определили в Волжском. Командиром батальона назначили майора Валерия Александровича Ростовщикова, служившего в 187-ом учебном центре. Лодзинский батальон имел славное военное прошлое, и майор Ростовщиков, конечно же, гордился новым назначением. Меня заинтересовала история батальона, и я, основываясь на рассказе В. Ростовщикова, «закопалась» в дебрях интернета и других источников...

История 109-го Лодзинского батальона началась в мае 1942 года в городе Серпухове Московской области, где формировался 9-й танковый корпус. В составе корпуса были сформированы также 20-я и 24-я отдельные инженерно-минные роты.

10 мая 1942 года 9-й танковый корпус оказался на Западном фронте в составе 16-й армии. 1 марта 1943 года директивой Ставки ВГК № 46070 от 11.03.1943 года 9-й корпус направили на Центральный фронт в город Курск. Кроме того, в корпусе тоже произошли преобразования - 5 мая 1943 года на базе 20-й и 24-й отдельных инженерно-минных рот был сформирован Отдельный сапёрный батальон 9-го танкового корпуса. 7 июня 1943 года командиром батальона стал капитан Федор Никитович Трубников.

Сапёры – скромные труженики войны, их деятельность вроде бы и не заметна, но без них боевые подразделения не могут существовать. Обеспечивая продвижение войск вперёд, сапёры постоянно находятся в

смертельной опасности: они беззащитны под убийственным огнём противника. Но, погибая, своей смертью они сохраняли жизни тысячей солдат других родов войск, вовремя сооружая мосты или обезвреживая вражеские минные поля перед наступлением войск. И благодаря по-настоящему героическим действиям своего сапёрного батальона, шли вперёд и побеждали бойцы танкового корпуса, которому он был придан. Мой рассказ об участии 109-го Лодзинского батальона в самых значительных воинских операциях Великой Отечественной войны и современных антитеррористических операциях.

9-й танковый корпус до 5 июля 1943 года находился в резерве. Спустя двое суток он был направлен на передовую, и со второй половины дня 8 июля участвовал в боях, которые историки назвали «Курской дугой».

Отдельный сапёрный батальон под командованием капитана Трубникова Ф. Н. во время тех тяжёлых и сложных боёв под артиллерийским и миномётным огнём противника обеспечивал успешное продвижение вперёд танковых частей корпуса – разминировал поля и дороги, очищал пути прохода танков. А потом сапёры батальона строили переправы через реку Гостомка в районе железнодорожной станции Гостомль, реки Бельдяжка, Тишинка, Кутафино, Крома и ручей в деревне Новая Слободка в Орловской области, что, конечно, способствовало быстрейшему наступлению частей и соединений корпуса.

Затем была Черниговско-Припятская операция - вместе с частями 60-й армии Центрального фронта корпус был введён в бой 27 августа южнее города Севска Брянской области. К вечеру 30 августа соединения корпуса пошли в атаку на Глухов. Подойдя главными силами к окраине города, танкисты попали под сильный артиллерийский огонь противника. Но благодаря умелым действиям танкистов 23-й бригады корпуса и артиллеристов 137-го гвардейского артполка и 1-го гвардейского артиллерийского дивизиона враг был сломлен, панически бежал, оставляя на поле боя убитых и раненых. 31 августа 1943 года 23-я отдельная танковая бригада 9-го танкового корпуса была удостоена почётного наименования «Глуховская». А Отдельный сапёрный батальон этого корпуса в тот же день был переименован в 109-й отдельный сапёрный батальон.

С 23 июня по 29 августа 1944 года 9-й танковый корпус уже в составе 3-й армии 1-го Белорусского фронта принимал участие в Белорусской наступательной операции «Багратион». По приказу командования корпус боем овладел единственной и основной коммуникацией противника на реке Березина, узлом четырёх шоссе дорог и держал под огнём железнодорожный и два шоссе моста через реку Березина, не допуская

противника со стороны города Бобруйска, тем самым завершив окружение пяти дивизий рогачёвско-жлобинской немецкой группировки. В то время, когда боевые подразделения корпуса сражались с фашистами, воины 109-го отдельного сапёрного батальона под сильным ружейно-пулемётным огнём противника минировали подступы к мосту через реку Березина, преграждая путь врага к отступлению. Немцы пытались вырваться из «кольца» на переправе у Бобруйска, но все их яростные атаки были отбиты - 40 пылающих танков и 50 автомашин оставил противник у посёлка Титовка. Потеряв последнюю надежду на прорыв кольца окружения, противник с утра 28 июня 1944 года группами 300-400 человек начал сдаваться в плен. Более тысячи солдат и офицеров были захвачены в плен бойцами 9-го танкового корпуса.

В победе под Бобруйском немалая заслуга и 109-го Отдельного сапёрного батальона, который во время всей операции построил 6 мостов по пути следования корпуса, что дало возможность частям корпуса своевременно выполнять все боевые задачи, поставленные командованием. Особенно отличились сапёры майора Трубникова при постройке 25-метрового моста грузоподъёмностью 60 тонн через реку Добысна в районе деревни Глыбоковичи Кировского района Могилевской области. Мост был построен в рекордный срок – за 2 часа, потому-то танковые бригады корпуса так стремительно вышли в район восточнее города Бобруйска. За отличия в боях приказом ВГК № 0181 от 05.07.1944 года 9-му танковому корпусу присвоено почётное наименование «Бобруйский».

Корпус двигался вперёд. Впереди его шли сапёры майора Трубникова. Поставленные перед ними задачи выполнялись всегда в срок. 1 июля 1944 года они оборудовали брод через реку Свилочь в районе деревни Новая Жизнь Пуховичского района Минской области, 3 июля под пулемётным огнём противника восстановили взорванный мост на Минском шоссе. И корпус вовремя вышел в район дислокации возле деревень Карпиловка и Лоша. 4 июля 1944 года танковый корпус был включён в конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева и начал наступление на областной центр БССР - город Барановичи (ныне Брестской области). Действуя в направлении Минска, корпус преодолел сопротивление 12-ой танковой дивизии противника и в течение пяти дней с боями прошёл 500 км., форсируя на своем пути большие водные рубежи - реки Березина, Птичь, Неман и множество мелких рек. Все эти природные водные препятствия танкистам помогали преодолевать сапёры майора Трубникова.

После освобождения от фашистов Минска началась Люблин-Брестская наступательная операция. 9-й танковый Бобруйский Краснознаменный

корпус получил задачу обойти город Брест и обходным маневром выйти на западную границу СССР - на реку Западный Буг. У сапёрного батальона были свои задачи: 22 июля 1944 года 109-й отдельный сапёрный батальон в рекордные сроки построил НП командира корпуса в районе деревни Стрели (Каменецкий район, Брестская область). 24 июля под ружейно-миномётным огнём противника батальон возвёл переправу в районе деревни Сколдычи Чернавичцкого сельсовета Брестского района Брестской области. 25 июля сапёры батальона построили мост через реку Лясная у деревни Покры в Брестском районе Брестской области и обеспечили пропуск войск через водную преграду. Противник, попавший в котёл, решил переправиться за реку Западный Буг, но был встречен всей мощью огня 9-го танкового корпуса и окончательно смят и рассеян. За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при овладении городом Барановичи и проявленные при этом доблесть и мужество 9-й танковый Бобруйский корпус Указом Президиума ВС СССР от 27 июля 1944 года награждён орденом Красного Знамени. Поистине июль 1944 года стал для танкистов победным месяцем.

Корпус в составе 33-й армии 1-го Белорусского фронта принимал участие и в Варшавско-Познанской операции (14 января — 3 февраля 1945 года). И уже 15-го января подразделения его сапёрного батальона стали обеспечивать корпусу продвижение вперёд: под сильным артиллерийско-миномётным огнём противника бойцы батальона, ежеминутно рискуя жизнью, вели разминирование минных полей. И танки корпуса неудержимо ринулись вперёд через разминированные проходы. Наведением переправ опять же под огнём противника сапёры обеспечивали также переправу танковых частей через водные препятствия. Например, в ночь с 18 на 19 января 1945 года корпус вышел на рубеж реки Пилица, мост через которую был взорван. Силами двух сапёрных рот 109-го отдельного сапёрного батальона за 10 часов была создана переправа через реку длиной 84 метра, по которой корпус своевременно переправился через реку и успешно выполнил боевую задачу по овладению городом Лодзь – административным центром Лодзинского воеводства Польши. Войскам, участвовавшим в боях за освобождение города Лодзь и других городов, приказом ВГК № 233 от 19 января 1945 года объявлена благодарность, и в Москве в честь победителей был салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. Приказом ВГК № 027 от 19 февраля 1945 года 109-му отдельному сапёрному батальону, которым попрежнему командовал майор Федор Никитович Трубников, отличившемуся в боях за овладение городом Лодзь, присвоено почётное наименование Лодзинский. И это было справедливо!

Но не только наводили переправы сапёры Трубникова. Если требовалось, они вступали в непосредственный бой с врагом, как случилось 20 января 1945 года в районе населённого пункта Опатувек Калишского повята Великопольского воеводства, где немцы пытались прорваться через КП штаба корпуса. Сапёрный батальон получил участок обороны, который стойко оборонял, не допустив прохода противника к штабу корпуса. После боя, 23 января, батальон получил новую задачу - к утру следующего дня подготовить переправу через реку Просна. При отсутствии в этом районе строительных материалов командир батальона силами двух сапёрных рот всё-таки сумел организовать строительство моста длиной 20 метров, и к исходу 24 января корпус переправился через Просну. И в том, что 29 января советские войска, прорвав Мезерицкий укрепительный район, вступили на территорию фашистской Германии, тоже есть заслуга сапёров Трубникова.

Во время Восточно-Померанской операции (10 февраля - 4 апреля 1945 г.) 9-й танковый корпус был придан 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. И помощь сапёров танкистам была поистине неоценимой: 5 марта 1945 года сапёры батальона под пулемётным и миномётным огнём противника своевременно построили мост через реку Рампель в районе деревни Россов (ныне Росово Старгардского повята Западно-Поморского воеводства) и обеспечили пропуск танков и боевой техники через водную преграду. Вследствие наступившей распутицы бои шли в основном вдоль дорог. Войска 3-й ударной армии к 10 марта создали внешний и внутренний фронты окружения немецкой группировки в районе Штеттинской (Щецинской) бухты. К середине марта на плацдарме у Альтдамма были собраны довольно крупные силы немецкой 3-й танковой армии. Южный фас плацдарма обороняли 1-я дивизия морской пехоты, 25-я танко-гренадёрская дивизия и танковая дивизия «Шлезен». На восточном фесе оборонялись 549-я народно-гренадёрская дивизия, 281-я пехотная дивизия и 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг». В северной части плацдарма оборонялись дивизии «Нордланд» и «Недерланд».

16-20 марта части 9-го танкового Бобруйского Краснознамённого корпуса в составе 61-й армии Белорусского фронта принимали участие в боях по ликвидации немецких войск, отошедших в район города Альтдамма. В результате трёхдневных упорных боёв советские воины, ликвидировав значительное количество опорных пунктов и узлов сопротивления противника, 18 марта вышли к последнему поясу укреплений противника на альтдаммском плацдарме и в 9.00 утра того дня после полуторачасовой артиллерийской подготовки войска фронта возобновили наступление. 20 марта после упорных и кровопролитных боев Альтдамм был взят. Всего в

результате разгрома альтдаммской группировки немцы потеряли более 40 000 солдат убитыми, захвачено более 12 000 пленных, 126 танков и самоходных орудий, более 200 орудий разных калибров, 154 миномёта и много другого вооружения и военного снаряжения. В Москве, в честь войск, освободивших Альтдамм, был дан салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий.

За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при прорыве обороны немцев восточнее города Штаргард и овладении городами Драмбург (ныне Дравско-Поморск), Фрайенвальде (ныне Хоцивель) в нынешнем Западно-Поморском воеводстве Польши и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума ВС СССР от 26 апреля 1945 года 9-й танковый Бобруйский Краснознамённый корпус награждён орденом Суворова II степени.

Известно также, что 3 мая 1945 года Указом Президиума ВС СССР за доблесть и мужество в боях с немецкими захватчиками при овладении городом Альтдамм соединения и части корпуса также были награждены орденами. Может быть, именно в этом Указе сообщалось о награждении 109-го Лодзинского батальона орденом Александра Невского? Но, как ни старалась, всемирный всезнайка – Интернет – не сообщил мне, когда и за что батальон был награждён этим славным орденом, он вообще не «соизволил» познакомить меня даже с текстом Указа от 26 апреля 1945 года о награждении орденом Суворова II степени всего 9-го танкового корпуса. Но многие ветераны батальона, служившие в нём после войны в Германии, при общении со мной по интернету сообщали, что знают о почётной награде – ордене Александра Невского.

Лодзинский батальон внёс весомую лепту и в разгром берлинской вражеской группировки. 17 апреля 1945 года во время ожесточённых боёв за переправу через канал Фридландерштром в районе флигеля Бушхоф сапёрные подразделения 109-го отдельного сапёрного Лодзинского батальона продвигались в составе боевых порядков наступающей пехоты. В первой траншее обороны канала в 50 метрах от берега ещё шёл рукопашный бой, а сапёры майора Трубникова уже начали работу по строительству моста. Работа велась под непрерывным миномётным и артиллерийским огнём противника, но мост был закончен к намеченному сроку. Благодаря этому, войска фронта к исходу 19 апреля прорвали третью оборонительную полосу и получили возможность развивать наступление на Берлин. 21 апреля части 3-й ударной армии, преодолев третью полосу обороны, ворвались на окраины Берлина и завязали там бой. В 12 часов дня 25 апреля кольцо вокруг Берлина замкнулось.

Бои в городе не прекращались ни днём, ни ночью. Квартал за кварталом советские войска «прогрызали» оборону противника. К вечеру 28 апреля соединения 3-й ударной армии вышли в район рейхстага. 30 апреля 1945 в 21.30 часа части 150-й и 171-й стрелковых дивизий 3-й ударной армии овладели основной частью здания рейхстага. Драться приходилось за каждое помещение. Ранним утром 1 мая над рейхстагом был поднят штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии, однако бой за рейхстаг продолжался ещё весь день, и только в ночь на 2 мая гарнизон рейхстага капитулировал. Танки 9-го корпуса поддерживали огнём группу, участвовавшую в штурме рейхстага и водрузившую Знамя Победы на его куполе.

За отличия в боях по овладению городом Берлином 9-й танковый Бобруйский Краснознамённый ордена Суворова II степени корпус получил почётное наименование Берлинский. В этом, как уже упоминалось, есть заслуга и 109-го отдельного Лодзинского инженерно-сапёрного батальона. А может, инженерно-сапёрный батальон 9-го танкового корпуса был награждён после взятия Берлина? Вполне вероятно, что представление батальона к награде могло и затеряться где-то в вихре почтовых депеш и телеграфных сообщений – время-то было невероятно праздничное, нервное напряжение ослабло, может, даже появилась и некоторая безалаберность у штабных работников. Представление ушло «наверх», и личный состав был уверен, что батальон удостоен славного ордена Александра Невского – батальон за свой доблестный ратный труд был достоин самой высокой награды.

Лодзинский батальон (в/ч 58490) после Победы вошёл в состав советских войск, находящихся в Германии, местом его дислокации стал город Ошац, где он размещался до самого вывода советских войск из Германии. А затем, как уже упоминалось, эта славная воинская единица появилась осенью 1994 года в Волжском! Однако бойцы 109-го отдельного Лодзинского инженерно-сапёрного батальона и их новый командир, Валерий Александрович Ростовщиков, даже не подозревали, что их ждёт через два месяца новое испытание... Батальон просто встал на охрану покоя края, где оказался – военнослужащих части 10885 (таким стал номер батальона) часто вызывали на разминирование всех взрывоопасных предметов, обнаруженных на территории Волгоградской области. Иной раз оказывалось, что при проверке местности вокруг найденного взрывоопасного предмета находили целый склад. Кроме того, личный состав батальона благоустраивал территорию своей части.

1 декабря 1994 года, в свой день рождения, майор Ростовщиков получил приказ выдвинуться со своей частью на Северный Кавказ.

... Солдаты ехали на войну, самую настоящую, правда, они этого ещё не знали. Бросок был стремительным. Первого декабря 1994 года военную инженерную технику погрузили на железнодорожные платформы, личный состав - в вагоны, и два дня спустя эшелон достиг предгорий Кавказа. Разгрузились, как полагается военным, очень быстро, выстроились в колонну и направились к месту сосредоточения - в Кизляр. Оттуда до Чечни - рукой подать.

На всякой войне хитрость нужна. Попав в экстремальную ситуацию на Кавказе, 8-й Гвардейский Армейский корпус генерал-майора Льва Яковлевича Рохлина, которому был придан Лодзинский инженерный батальон, совершил обходной маневр через степь. На трое суток исчез корпус из поля зрения даже своих генштабистов, шёл, не зная отдыха ни днём, ни ночью без малейшего огонька, прервав всякую радиосвязь. В таком режиме колонна прошла более двухсот километров, обходя селения, засады, не вступая в контакт с мирным населением, избегая даже случайных столкновений с боевиками, чтобы не сорвать операцию.

Маневр удался блестяще. Дудаевская разведка вышла на след группы слишком поздно. Боевики бросились в погоню, пробовали накрыть войска на марше минометным огнём, но каждый раз стреляли туда, где колонна проходила час-два назад.

У реки Терек остановились: дудаевцы взорвали мост. Инженерному батальону приказали навести переправу и как можно быстрее пропустить войска в район сосредоточения - Толстой-Юрт. Сапёры с задачей справились: под руководством начальника инженерных войск корпуса полковника В. И. Новикова была заведена в створ лента наплавного моста и оборудованы съезды к урезу воды. Войска успешно преодолели Терек и прибыли в назначенный район.

Разместились в открытой степи, на территории окружностью в шесть километров. Всю многочисленную боевую технику - танки, бронетранспортеры, орудия, а также людей следовало укрыть от глаз противника. А как? Лишь закопаться в землю. Фортификационное оборудование района расположения войск инженерно-сапёрное подразделение из Волжского выполнило в немыслимо короткий срок. Этим важным делом занимался, конечно, и весь корпус, причём от солдата до генерала, однако основная тяжесть работы легла на солдат Ростовщикова.

Именно с этого плацдарма началось продвижение корпуса Льва Рохлина на Грозный. Чтобы попасть в столицу Чечни, следовало завладеть мостом через реку Сунжа в станице Петропавловской и заблокировать боевиков, которые создали там опорный пункт. Разведка, направленная к

мосту, донесла, что боевики оборудовали у реки огневые точки, а мост минируют.

Командование корпуса приняло единственное и правильное решение: артобстрел. Бой оказался тяжёлым, и лишь позднее выяснилось, что федеральные войска столкнулись лоб в лоб не с маленьким бандитским отрядом, а с хорошо организованной, боеспособной армией. Первые потери - шесть человек. Переживали гибель товарищей все, и было странно: на родной земле приходилось стрелять в соотечественников.

Потом был Грозный, где любое здание приходилось брать с боем, появились раненые и убитые. Отгонят боевиков, и наступает работа сапёров: миноискателями проверялся каждый метр земли - улицы, подъезды, подвалы, подземные переходы. И лишь после этого войска и техника продвигались вперёд. И тут обнаружилось непредвиденное: соединения соседей, которые должны были быть справа и слева корпуса, не вышли своевременно на рубежи. Выбор был невелик: либо отступить, и потом, спустя время, снова идти вперёд. Но в таком случае неизбежны потери - в десять раз больше. Комкор принял решение стоять на месте.

19 января Президентский дворец был взят. Более 2000 тысяч погибших и более 500 без вести пропавших российских парней – вот цена фактора «внезапности», на который так рассчитывал Министр обороны Павел Грачёв, бросивший войска в бой в самое неблагоприятное время года. Не учёл он также и того, что молодым российским солдатам, не умеющим стрелять в своих сограждан, будут противостоять натасканные «на войну» опытные боевики.

Кровь, погибающие товарищи, выстрелы из-за угла в спину... Всё это довелось пережить комбату Валерию Александровичу Ростовщикову, его солдатам и всему 8-му Гвардейскому армейскому корпусу в самую волшебную, новогоднюю ночь: войска Рохлина остались на самом тяжёлом участке наедине с армией Дудаева, атакуемые со всех сторон боевиками. Полтора месяца не покидали своих позиций гвардейцы корпуса Рохлина, постепенно продвигаясь по Грозному. И выстояли молодые солдаты, стрелявшие ранее только по мишеням на тренировочном полигоне.

Сводная рота инженерно-саперного батальона под командованием Валерия Ростовщикова успешно выполнила все поставленные боевые задачи, вернулась без единой потери к месту своей дислокации, правда, было немало раненых. Всем казалось, порядок в Чеченской республике будет водворён. Но случилось Хасавюртовское соглашение, после которого боевики, набравшись сил, вновь втянули Чеченскую республику и всю Россию в войну. Потому в сентябре 1999 года состоялась вторая командировка -

сводная рота 109-го отдельного Лодзинского ордена Александра Невского инженерно-сапёрного батальона, ведомая своим комбатом опять оказалась в Чечне. И вновь пошли по известному им пути, который пролегал через станции Червлёная, Толстой-Юрт, Петропавловская, Грозный... Операцией по инженерной разведке водной преграды – реки Терек - и установке минных полей, прикрывающих места намечаемой переправы, руководил лично комбат, уже подполковник Ростовщиков. Благодаря наличию плавающих транспортных средств — на плацдарм сначала перебросили автомашины с боеприпасами и подкрепление личным составом, а затем буксировкой перетасили боевые машины пехоты. Несмотря на сильное течение, за один день удалось перебросить около десяти БМП.

Для чеченских боевиков появление перед ними бронетехники федеральных войск оказалось полной неожиданностью. Это и дало возможность отбросить их от прибрежной части Терека почти на шесть километров, после чего усилиями сапёров был наведён понтонный мост и переправлена вся дивизия.

Инженерно-сапёрный батальон занимался не только строительством переправ, но и фортификационных сооружений, инженерной разведкой, добычей и очисткой воды, словом, всем, что касается жизнеобеспечения мотострелковых подразделений. А впереди инженерных подразделений – только разведчики, как и в Великую Отечественную войну, солдаты инженерных войск не воюют с автоматом в руках, хотя и такое случается, но находятся в авангарде продвижения войск. Вместе с ними «воевал» и флаг Волжского, который всюду реял над лагерем сапёров, на флаге нет пробоин, но над ним свистели пули, так что он - настоящий боевой стяг.

Путь волжских сапёров оба раза пролегал через станции Червлёная, Толстой-Юрт, Петропавловская, Грозный... Из второй командировки в Чечню не вернулся лишь один человек – лейтенант Михаил Гуреев, который подорвался на случайной мине.

После второй командировки в Чеченскую республику, как и после первой, воины батальона были награждены орденами и медалями. Командира батальона повысили в звании – он стал полковником. Кроме того, Валерий Ростовщиков был удостоен самой высокой российской награды - Золотой звезды Героя РФ,

Эта награда - за умелое командование своим подразделением, а также за бой, случившийся 8 октября 1999 года. В тот день инженерно-сапёрному подразделению была поставлена задача обеспечить выдвижение и переправу частей федеральных сил через водную преграду. Инженерно-разведывательная группа, возглавляемая подполковником Валерием

Ростовщиковым, выйдя к мосту, обнаружила, что боевики, оставив охранение около моста, занимаются фортификационным оборудованием местности. Командир группы принял решение на захват позиций противника. Скрытно подойдя к мосту, группа уничтожила боевое охранение. Подполковник Ростовщиков, имея наибольший опыт в разминировании, лично начал проверку моста на наличие взрывоопасных предметов и в одной из опор обнаружил мощный заряд, управляемый боевиками. Понимая, что лучше его никто не сможет обезвредить тот фугас, Ростовщиков, рискуя в любой момент быть взорванным, обезвредил фугас. Первым он переправился и на противоположный берег, где, заняв оборону, оказался отрезанным от своего подразделения. В течение двух часов Ростовщиков удерживал захваченную позицию, ведя бой с превосходящими силами противника, не давая ему уничтожить мост и тем самым сорвать наступление наших войск.

Вот такая история о 109-ом отдельном Лодзинском батальоне ордена Александра Невского. И пусть неизвестно, за что батальон был награждён, но он всегда честно выполнял свой воинский долг, как во время войны, так и в сегодняшнее время. А имя российского великого воина отныне всегда будет звучать в Волжском, потому что в городе возведен храм имени Александра Невского.

«ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ!»

Именно так считали славные защитники Сталинграда, и фашистам с огромными потерями приходилось преодолевать отчаянное сопротивление советских войск под Сталинградом, а затем в самом городе.

В середине июля 1942 года противник прорвался в большую излучину Дона. И хотя советские войска в ожесточенных оборонительных боях задержали продвижение врага. Но угроза осады Сталинграда была, и город готовился к обороне. До 12 сентября шли бои на подступах к городу. Наши войска, буквально истекали кровью, но удерживали позиции, хотя и приходилось медленно отступать к центру. А фашисты, введя в бой дополнительно 9 дивизий и одну бригаду, начали штурм города. И битва не затихала ни днем, ни ночью.

Осенью 1942 года к Сталинграду пошли эшелоны с воинским пополнением и вооружением: планировалось крупное контрнаступление. В январе сорок третьего с одним из таких эшелонов попал в Сталинград и Фёдор Тощенко.

Родился он в селе Петропавловка, ныне - Ахтубинск. Когда началась война, ему было всего пятнадцать лет, но на его плечи легла забота о матери и сестрёнках, так как отец, Пётр Григорьевич, и старший брат Коля ушли воевать. Жизнь была тяжёлой, но все они жили надеждой на скорый конец войны и на то, что отец и брат вот-вот вернуться домой. Однако Пётр Григорьевич погиб в 1942-ом, даже ни разу не увидев младшую дочку, которая родилась уже после его отъезда. Погибли и шесть дядей Фёдора.

В армию Фёдора призвали, когда ему было всего семнадцать с половиной лет. И такими молодыми ребятами был полностью набит эшелон, направлявшийся в Сталинград. Родственники, которые их провожали, на платформе просто рыдали, а они весело играли в шелбаны, ведь они будут бить фашистов, и многие не ведали, что не вернуться домой.

Фёдор всю войну был артиллеристом и уверен, что все те годы его непременно сопровождал ангел-хранитель, выручая его в трудных ситуациях, спасая от неминуемой гибели. Сколько раз отводил от него пули, каждая из которых могла стать для него последней! Наверное, это потому, что когда он уходил на фронт, то мама, Елизавета Кирилловна, дала ему нательный крестик. Всю войну Фёдор его не снимал, но вот куда он делся после того, как война закончилась, не знает. Вполне возможно, что именно этот крестик и был тем чудом, которое помогало Фёдору в те страшные годы.

Фёдор Петрович рассказывал, что страшно на войне всего лишь в первые дни, а потом привыкаешь ко всему: и к взрывам, и к стрельбе, нельзя

привыкнуть только к потере близких и друзей. Потому-то и тяжело ему сейчас вспоминать о прошлом. В марте сорок третьего артиллерийский расчёт, в котором Фёдор служил, перебросили в поддержку пехотному подразделению. Дело было ночью. Бойцы благоустраивались на новом месте, но вдруг начался артиллерийский обстрел, и весь расчёт погиб. Фёдора ранило и завалило землей. Так он и пролежал, засыпанный землёй до самого утра, пока не пришли солдаты разбирать завалы. Кто-то увидел, что из земли торчит чья-то рука. Все были уверены, что это рука мертвого человека, однако начали откапывать, чтобы похоронить. Кто-то взял его за руку, ощутил тепло, и понял, что солдат ещё жив. Когда Фёдора откопали, он открыл глаза и испугался: он ничего не видел и решил, что потерял зрение. Оказывается, у него на голове была снята кожа, словно скальп, и закрывала его лицо. Фёдор попал в госпиталь в Камельск, что находился на Северном Донце в Ростовской области. Ему сделали очень сложную операцию, и он лечился в госпитале два с половиной месяца.

После такого ранения его должны были комиссовать на полгода. Но тут был получен приказ его часть передислоцировать на другое место, и к Фёдору пришёл старшина и сказал, мол, так и так, здесь ты уже свой, а потом неизвестно куда попадёшь, дескать, решай, идти с частью или нет.

Но из госпиталя Тощенко не отпускали, поэтому он сбежал на фронт, а точнее старшина его просто выкрал из госпиталя. Никто об этом не знал, кроме медсестры, которой они дали немного продуктов, и та пообещала не сообщать о «побеге». Так Фёдор снова оказался на передовой. В части о его побеге из госпиталя знали только санинструктор, повар, командир взвода и тот самый старшина. Не знал о его поступке даже командир батареи.

А в госпитале забили тревогу: боец Тощенко дезертировал. Около его дома в Петропавловке поставили круглосуточный патруль. После такого известия Елизавета Кирилловна сразу ослепла. Какие только мысли не приходили в голову бедной женщине. И это после того, как на фронте погиб уже и её старший сын Коля. Неужели Фёдор мог так поступить? Она в это не верила. А Фёдор в это время находился на передовой. Вместе со своими товарищами он яростно боролся с врагами. И неизвестно, долго ли ещё находились бы все в таком неведении, если бы не военфельдшер дивизиона, который увидел его как-то в бою. После того, как всё прояснилось, к матери Фёдора Тощенко снова пришли военные, но уже для того, чтобы выразить благодарность за сына. Ей тогда за него даже принесли восемь килограммов пшена и четыре куска мыла, чем она очень гордилась: в войну это было очень хорошим подспорьем в домашнем хозяйстве.

После Сталинграда где только не воевал Тощенко: и на Украинском фронте, и на Белорусском, освобождал Польшу, Германию, дошёл до Берлина. Но в Берлине его война не окончилась – началась война с Японией, и он ещё пять лет служил на Дальнем Востоке. Его направляли и во Владивосток, и в город Корсаков на Южном Сахалине: положение на восточной границе было беспокойное, а пополнения не было. Так и пришлось артиллеристу Тощенко ещё на пять лет отложить возвращение домой. Впрочем, он был не единственным, кто служил в армии после войны. Фёдору за эти годы довелось быть и шофёром, и авиационным механиком, и с любой работой он справлялся отлично.

Домой Фёдор вернулся 28 июня 1950 года. Радости матери не было предела. Но отдыхать было некогда, нужно было помогать по хозяйству, и Фёдор сначала шоферил, а потом стал плавать на речном судне: был и кочегаром, и мотористом, и помощником механика. А осенью, когда закончилась навигация, руководство Сталинградского пароходства направило его учиться в Астраханское судомеханическое училище. После его окончания поступил в Московский заочный техникум и получил специальность судомеханика. Когда учился в Астрахани, Фёдор познакомился с девушкой Алевтиной. И когда он вернулся домой, то восхищению земляков не было предела: «Федька-то городскую невесту нашёл». Свадьбу сыграли 18 августа 1953 года - в день рождения Фёдора, о котором он совсем забыл, но мама напомнила.

Они жили дружно, не расставаясь: Алевтина Константиновна плавала с ним вместе с Фёдором - была и коком, и матросом-мотористом.

Но вскоре они покинули Петропавловку: их друг Аркадий Агафонов был назначен в Волжский порт на руководящую должность. И он, зная о работоспособности Фёдора, пригласил их к себе. Федора Петровича назначили на теплоход первым механиком и третьим штурманом, а через пару лет он стал капитаном-механиком. Алевтина Константиновна тоже плавала с ним вместе. Где только они не побывали за те двадцать лет, которые провели на речных волнах: в Москве и Горьком, Ростове и Перми, Дзержинске и Астрахани. Но дети росли, им нужно было учиться, поэтому сначала Алевтина Константиновна ушла из пароходства, а затем и Федор Петрович тоже сошел на берег.

Семь лет он работал на Волжском подшипниковом заводе, а потом пришел на шинный. Работал слесарем даже после того, как стал пенсионером. Словом, шинному заводу он отдал 27 лет. В честь 40-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войны его имя было внесено в Книгу Почета Волжского шинного завода.

Тощенко Фёдор Петрович - артиллерист, шофёр, авиационный механик, капитан-механик и шинник - о своей жизни не жалеет и считает, что прожил её не напрасно. Обидно лишь, что с девяностых годов прошлого века страна вдруг изменила свой статус советского государства, и люди тоже изменились. Многие из них с неуважением стали относиться к прошлому государства, а молодые люди оскорбительно отзываться о фронтовых годах. А военные раны стали чаще о себе знать. И однажды «заговорил» старый осколок, который «путешествовал» по его телу с самой войны: вошёл в одно место, а обнаружился неожиданно в другом.

Фёдор Петрович, низкий поклон вам за то, что защищали нашу страну, не жалея себя, в годы Великой Отечественной войны и что всю жизнь трудились на благо своего Отечества.

«ОПАЛЁННЫЕ СТРОКИ»

Именно так названа очередная книга Петра Войцеховича Филютовича, талантливого волжского поэта и прозаика. Но самое важное в том, что он умело работает с документами военной поры, и там, где ощущается пробел информации, домысливает ситуацию, потому что Пётр Войцехович – солдат Великой Отечественной войны. Мало того, он участник Сталинградской битвы и настоящий исследователь боевой славы 126-й дивизии, которая дважды сыграла важную роль в различных военных операциях битвы за Сталинград. Книжки «Трудный орден комдива» и «Степной бастион» - о дивизии, с которой он прошагал по дорогам войны от Сталинграда до Кёнигсберга. И вот новая книга – «Опалённые строки», написанная в соавторстве с Александром Андреевичем Витковским, вернее, Пётр Войцехович стал литературным редактором фронтовых дневников Витковского. И едва книга вышла в свет, тут же «разлетелась» по библиотекам Волгоградской области.

В авторском предисловии к новой книге, изданной издательством «Издатель», П. В. Филютович написал: «Опалённые строки» – документальная книга. Это фронтовой дневник связиста пехотного полка. О Великой Отечественной войне и Сталинградской битве, в частности, написано много. Но каждый из нас уже убедился в том, что в истории немало «белых» пятен, и с течением времени освещение этих событий будет становиться всё труднее, потому что утверждаются ложные и вредные стереотипы, уходят из жизни свидетели, загадочно пропадают документы. У народа и, что особенно обидно, у нового поколения постепенно теряется интерес к событиям 70-летней давности. Лжеисторики, извращая факты и действительность, ставят всё с ног на голову. Вместо призывов к спасению планеты от гибели сталкиваются народы лбами, разжигается пламя новой кровавой бойни, на которой их заказчики будут наживаться. И самое важное то, что они, лжеучёные, вколачивают всю эту гнусную ложь в толщу лет. И потом, после нас, последних свидетелей событий 1941-45 годов, настоящим историкам, будет нелегко. Им придётся по крупице выковыривать из-под лжи нашу правду. И пусть эта книга будет достойной отповедью забугорным фальшивоисторикам, которых следует судить так же строго, как фальшивомонетчиков.

Пусть она станет отповедью и кликушам российского «разлива», забывшим, кому обязаны они своим существованием и благополучием, огульно охаивающим всё наше прошлое, бессовестно переписывающим историю и, в сущности, предающим свой народ. А также станет честным,

откровенным собеседником для молодёжи, желающей из первых уст узнать истину о минувшей, самой жестокой и кровопролитной войне».

Пётр Войцехович вместе с Александром Витковским и впрямь честно рассказывают, как жилось солдатам на войне, прославляя советскую армию, её мощь и стойкость, одновременно показывая фронтовые трудности, иной раз и некомпетентность и даже самодурство некоторых военачальников, как командир их полка Мамонтов, прозванный за наглость, тупость и самодурство Мамаем.

Витковский и Филютович познакомились на фронте. Встретиться им помогла фронтовая специальность Петра Филютовича – Витковский неоднократно был на попечении медиков и конкретно - под приглядом Петра Войцеховича, который служил санинструктором 366-го стрелкового полка 126-й дивизии, в который после окончания военного училища распределили Александра Витковского командиром взвода связи.

Витковский первую дневниковую запись сделал 28 мая 1941 года, когда отправился на сборы в Тоцкие военные лагеря (Оренбургская область), там он и встретил начало войны. Сначала порыв писать дневник, вероятно, был связан грустными мыслями от разлуки с семьёй, а потом стал вести дневник вполне осознанно. И правильно сделал, потому что его записи – неоценимое свидетельство того, как воевала 126-я дивизия и находившийся в её составе 366-стрелковый полк, который не только Сталинград защищал, но освобождал Крымский полуостров и Украину.

Александр Андреевич Витковский очень тепло пишет о своих боевых товарищах и о том, что войны видели в освобождённых населённых пунктах. На фронт он попал в самое горячее для Сталинграда время, когда танковая армия Манштейна рвалась на выручку «запертой» в Сталинграде 6-й армии Паулюса. Однако знакомство читателей с книгой «Опалённые строки» я хочу начать с записей, касающихся Крыма и Украины, что сейчас весьма актуально - ведь и там есть люди, которые предпочитают забыть, кто освободил те края от фашистских захватчиков. А ещё они напоминают сегодняшнюю Украину, словно время повернулось вспять, в 1943 год...

«1943 г.

Новый год встретили без особых торжеств.

1 января. Конзавод № 3. Ростовская область.

От конзавода - одно название. Сгоревшие пустые здания, повсюду следы варварства и грабежа. Жители встречают восторженно.

19 марта. Село Дьяково. Украина.

Двигаемся на север. Небольшие селения хуторского типа сожжены дотла. Догорают избы, сараи. вокруг ютятся женщины, плачущие дети. Сыро, холодно. Дьяково сжечь не удалось, но носит следы свежего боя.

Ночью повернули на запад. Дисциплина, маскировка, тишина.

26 августа. Миус-фронт.

«Миус-фронт неприступен!» - так хвастливо провозгласили гитлеровцы.

Ночь коротал под небольшим деревцем. Прохладно. Умылся росой - сонливость ушла. В то утро зачитали приказ командующего Южным фронтом Толбухина: «Вперёд, на разгром врага! Освободить Донбасс!»

1 сентября. Город Снежное.

Жители встретили тепло. Полк нацелили на опорный пункт Степановка. Противник перешёл в контратаку. Комбат Головки отбил врага, нанеся ему большие потери.

4 сентября. Город Горловка.

Перед Горловкой противник оказал упорное сопротивление.

На исходе дня подошли вплотную к окраине. Особенно упорные схватки на железнодорожной станции Байрак. Противник бежит.

Утром полк идёт по городу маршем. Жители вышли на улицы. Цветы, слёзы радости.

Следы разрушения. Горят дома, школа, в которой был немецкий госпиталь. Раненых не успели вывезти и подожгли.

Жители рассказывают о чудовищных зверствах немцев. Их подвергали массовым пыткам и расстрелам. Местом расправы гитлеровцы избрали старую шахту «Узловая», в шурфы которой сбросили многие тысячи советских людей.

2 октября. Район Мелитополя.

Судя по всему, предстоит большая битва. Все лесопосадки напичканы войсками и техникой.

21 октября. Мелитополь.

Бои достигли высшего накала. Гитлеровцы группами просачиваются в наше расположение и ведут беспорядочную стрельбу, пытаются посеять панику. Их группы быстро уничтожаются.

Большая часть города в наших руках».

Читаешь «Опалённые строки» - и дрожь по коже: почти семьдесят лет прошло, как завершилась самая кровавая война XX века, а в Украине вновь кровь, смерть, издевательства над людьми. Но не фашисты творят зло на украинской земле, а свои сограждане, потомки бандеровцев, которые наравне

с фашистами немало горя принесли украинцам во время Великой Отечественной войны.

«1944 г.

13 апреля. Просторы Крыма.

Москва салютует героям Перекопа. Сталин объявил благодарность 126-й дивизии за отличные боевые действия в районе Армянска. По радио: 126-я дивизия награждена орденом Суворова II степени за штурм перекопских укреплений и взятие города Армянск.

Попадают татарские селения. Позакрывались. Впечатление: или пусто, или чувствую себя виноватыми.

28 апреля. Симферополь.

Отправляют в госпиталь - несколько дней высокая температура, расстройство кишечника.

... Короткая остановка в маленькой деревушке. Русские и украинцы. Странное явление: во всех домах выдраны рамы и двери. Занавешены одеялами, тряпьем, зияют дыры. Сделали это не немцы, а их холоуи из числа татар. Когда немцы заняли Крым, немногочисленное мужское население ушло в горы к партизанам. Не успела осесть пыль от немецких пушек, как некоторые татары стали зверствовать: притеснять семьи тех, кто был в партизанах и в Красной Армии. Жить стало невозможно. Татары забирали продовольствие. Женщины и дети вынуждены были уйти к партизанам... Когда люди ушли из села, татары в отместку учинили такую подлость.

Симферополь. Госпиталь. Осмотр, санобработка, ванна, белоснежная постель.

Более 500 дней не раздевался! Ночью в полном боевом, а днём, если можно, сбросишь сапоги на несколько минут, вымоешь ноги, если есть водоём.

1 мая. Симферополь.

На улице тихо, только шум автомобилей врывается в окно. Госпиталь расположен в школе. Во дворе небольшая сколоченная на скорую руку часовня. Специально для румынских солдат...

Никак не отосплюсь, немного беспокоят старые раны, особенно голова.

Идёт подписка на заём. Подписался на 2 тысячи при окладе 1 тысяча, и сразу дал согласие, чтобы облигации зачислили в Фонд обороны. Деньги будут удерживать по месту службы.

9 мая. Симферополь, Бельбек, Мекензивы горы, Северная бухта.

Из госпиталя выписали в часть с освобождением от участия в военных действиях на 3 дня.

Забрёл на базар. К удивлению, многолюдно и немало мужчин призывного возраста. Продают – покупают. Хлеб, крахмал, сухие фрукты, сметана, брюки, шапки. Отвык от толчеи. Мучило одно: время-то какое, каждый человек на вес золота и в тылу, и на фронте, а тут такие лбы разгуливают... (Немало таких «лбов» и в сегодняшнее время ринулось на иномарках в Россию, не желая воевать за свою землю в рядах ополченцев Донбасса и Луганской области, дескать, пока другие воюют, я отсижусь в безопасности под крылом России. - Е. И.)

Иду пешком по той дороге, где наступали. Повстречался с патрулями-пограничниками. Оказывается, абы кто к передовой не пройдёт.

На том месте, откуда уезжал в госпиталь, никого нет. Нашёл окопчик, где был убит Ковалёв. На камнях следы крови. Жалко стало.

Далее по низине в развалинах большого блиндажа двое раскапывают и извлекают из-под обломков трупы убитых. Здесь был узел связи 550-го полка и находились командиры. Снаряд – все погибли. Среди них Понамарёв, мой товарищ по Саратовскому училищу. Вместе пришли в 126-ю дивизию.

10 мая. Севастополь.

С трудом пробилась в город. 126-я дивизия ведёт бои за северную часть города и Малахов курган...

Мои мужчины-связисты где-то затерялись в городе, а полк пошёл в наступление. Выручили девушки. Объяснил им задачу, указал каждое направление, вручил каждой по две катушки. Многовато, конечно, но что поделаешь: не могу же я Мамаю сказать (Так прозвали командира полка Мамаева за его самодурство. - Е. И.), что не могу наладить связь. Подоспевшие мужчины сменили их.

Мария Ганжа находилась на наблюдательном пункте заместителя комдива Казакова. Противник вёл жестокий огонь, были большие потери и от осколков, и от завала НП. Мария поседела за одну такую ночь...

Тёмная майская ночь, морская свежесть. И вдруг - необычное явление. Над Севастополем, который от нас остался восточнее, - десятки тысяч разноцветных огней. Стреляли зенитчики, пулемётчики трассирующими. Вспыхивали сотни ракет. Стихийный солдатский салют в честь освобождения Севастополя.

11 мая. Севастополь - Стрелецкая бухта.

Утро тихое, солнечное. В такой день и умирать не хочется. Наступление возобновилось.

В последнее время стали попадаться татарские молодчики в немецкой форме, те кто пошёл на службу к гилеровцам, предав свой народ. Когда этих молодчиков прижали к морю – завопили: «Мы свои, пощадите!»

12 мая. Севастополь.

Крым очищен.

Освобождали Крым три общевойсковые армии: 2-я гвардейская, 51-я (от Сиваша), Отдельная приморская (из-под Керчи).

Вот такие короткие, деловые и точные записи, словно про обычную работу. Впрочем, война и есть работа, тяжёлая мужская работа, правда, она «захватывает» и женщин – они были связистками, телефонистками, служили в госпиталях, были разведчицами, зенитчицами и снайперами... Кстати, удивилась, что облигации государственного займа, как и в тылу, подписывались и на фронте. Подтвердились и сведения о зверствах татар, служивших у немцев – о том знала и раньше по рассказам отца. Над местным населением изгалялись не только татары, но и служившие у немцев (часто в карательных частях) украинцы, прибалты. И они для своих соотечественников были страшнее немецких оккупантов.

Друзья-связисты знали о дневнике Витковского, видели же, что в свободные минуты он что-то писал. Однажды даже письмо в Орск, где находилась его семья, перед наступлением написал на внутренней стороне голенища сапога - просто так, на всякий случай. Однополчане одобряли поступок товарища, восхищаясь его мужеством (дневниковые записи на фронте запрещались), подарили тубус для чертежей. В нём Витковский и хранил свои записки, а тубус прятал в повозке, на которой связисты перевозили своё оборудование. И ни один из солдат о том не донёс командованию. А когда повозку разметало взрывом, дневниковые листочки разлетелись, друзья помогли собрать то, что уцелело.

День Победы каждый воин встретил там, где застала его весть о ней, и это был общий праздник, и в то же время каждый фронтовик переживал его по-своему – кто-то ликовал, кто-то плакал от мысли о погибших друзьях и родных (Жена Витковского умерла в военное время. Дети остались на попечении соседей. Лишь после войны он нашёл их и привёз в Симферополь, где служил после Победы над немецкой армией. - Е.И.)

«9 мая 1945. Восточнее Данцига.

1418-й день войны. Ох, как долго его ждали! (Эта строка - словно выдох после тяжёлой работы. Что же, война и впрямь – работа, опасная и тяжёлая.- Е.И.) – Ночью наступление продолжилось, но в начале суток 9 мая враг капитулировал.

Идёт разоружение. Каждый подходит к штабелю оружия и кладёт своё – пистолеты, винтовки, автоматы, пулемёты. Пушки остались на месте. Воины-победители зорко и бдительно следят за порядком, чтобы исключить

провокации. Автоматчики и пулемётчики – при полном боевом. Возле орудий и танков выставлены караулы.

Обезоруженные гитлеровские вояки становятся в колонну по чинам: впереди генералы, полковники. Командующему группировкой наше командование разрешило ехать в собственной служебной машине.

Впереди – генерал на автомашине, следующей на малых оборотах, за ним – остальные. Длинная колонна выходит из зоны складирования трофейного оружия. Её конвоируют автоматчики.

Не всё шло гладко. Некоторые группы головорезов предпочитали сопротивляться, но их быстро ликвидировали. Были в их числе и власовцы, которым рассчитывать было не на что, они заняли на побережье рубеж. Их уничтожили.

Очень жаль тех, кто погиб за несколько часов до победного конца.

Утром обнаружил молодого умирающего солдата. Кузьмой звали. Привезли в санроту, но ничем не могли помочь. Умер, когда шло разоружение.

Собрались все связисты. Впервые связь не понадобилась – весь полк вместе.

Первый обед в мирной обстановке. Из запасников достали бутылки вина. Мощное «ура!» Песни.

10 мая 1945. Восточнее Данцига.

Заканчивали приём военнопленных. Гора оружия. Несём охрану.

В полку митинг по случаю Победы. Пламенная речь замполита подполковника Златкина. Поздравил командир полка. Обед. Полк веселился и отдыхал.

Осмотрел побережье залива Балтики... На самом гористом месте пустые бараки, обнесённые колючей проволокой. В болотистой местности обнаружили трупы молодых женщин – перед капитуляцией избавились от живых свидетелей».

Филатович и Витковский продолжали дружить и после войны, встретившись однажды в молодом городе Волжском: Витковский жил с женой Марией Ганжа в городе Калач-на-Дону – осенённые чувством взаимной любви Витковские прошли рука об руку несколько десятилетий. И это не удивительно: мне не раз приходилось встречаться с такими парами, и уверена, что самыми крепкими были семьи, возникшие на фронте или сразу после войны.

Уже будучи тяжело больным, Александр Андреевич попросил друга-писателя обработать его фронтовые записи, и если возникнет возможность, опубликовать их.

Пётр Войцехович несколько ночей расшифровывал записи друга, причём часто подкреплял их своими замечательными комментариями и стихами.

СИБИРЯКИ

Боевым соратникам – воинам 126ст. дивизии

Уж семьдесят минуло, канув в Лету,
а в снах ночных и в памяти он свеж -
кромешный ад, что тряс тогда планету –
кровавый абганеровский рубеж.

Сюда пришли, тревоги зову внемля,
сибиряки с желанием одним.
Они по грудь зарылись в нашу землю:
- Умрём, но Сталинград не отдадим!

Они внесли свою большую лепту.
Сдержали слово, хоть и полегли.
Через Красноармейск, через Сарепту
прорваться в город танки не смогли.

Вы – сталинградцы. Истина святая.
И город мой стал родиной для вас.
Бессмертье ваши души обретая,
на запад шли за нами как запас.

В Крыму, в Литве, вблизи Саур-Могилы
и в Данциге, у Вислы у реки –
езде, где иссякали наши силы,
вставали в поредевшие полки.

Что нет в живых сибиряков – не верьте.
Равняться мы обязаны на них.
Их даже души не подвластны смерти:
Во всём поддержат павшие живых.
Март, 2013г.

Солдатская пилотка.
Войну забили в гроб железный, прочный.

Снарядом не обрублен, не хромой,
из логова зверья – из Пруссии Восточной
в простой пилотке он пришёл домой

Будённовки сестра и бескозырки флотской
легла в одном с наградами строю.
Успешно завершив поход героический,
припоминала миссию свою.

Она из речек черпала водичку,
подушкою служила, коль привал.
В Мадонну превращалась в ней медичка,
сержант гляделся в ней, как генерал.

Пилотка – талисман красы неброской.
В ней рвался в бой и выживал боец.
Звезда её – полпред звезды Кремлёвской –
вселяла веру: злу придёт конец!

Ещё вчера, в пилотке, в гимнастёрке,
линейкой сын размахивал – джигит!
Потом их внук надел – Василий Тёркин!
Сегодня правнук Жуковым глядит.

Пускай в святой и светлый День Победы
из рода в род сынов своих сыны
форсят перед трюмо в пилотке деда,
но пусть не знают ужаса войны.

2011 г., май.

И вот книга вышла. Честная, правдивая, рукописная «фотография» фронтовых будней.

Александр Андреевич Витковский вместе с воинами 126-й стрелковой дивизии, где воевал и Пётр Войцехович Филютович, с боями прошёл долгий путь от Волги до Вислы. После войны продолжал службу в Германии, потом - в Симферополе, в городе, который был освобождён от фашистов его дивизией. Оттуда 12 августа 1946 года и ушёл в отставку.

После демобилизации работал на предприятиях г. Орска, где он до войны трудился, и на стройках Оренбургской области. Выйдя на пенсию,

переехал в г. Калач-на-Дону Сталинградской области, где родилась Мария Ганжа, связистка из подразделения Витковского, ставшая его женой после демобилизации.

«КАК ЭТО БЫЛО! КАК СОВПАЛО - ВОЙНА, БЕДА, МЕЧТА И ЮНОСТЬ!...»

Чем дальше отодвигаются от нас годы Великой Отечественной войны, тем меньше становится живых свидетелей тех событий - славных и одновременно с тем трагичных. И, слава Богу, что среди них есть люди, умеющие изложить свои воспоминания на бумаге. Александр Григорьевич Сурдутович - один из них, кто смог это сделать. Войну Саша увидел глазами одиннадцатилетнего мальчишки - столько ему исполнилось через три дня после начала войны. И жил он в то время с мамой Матрёной Максимовной Федоренко в Сталинграде. А в 1942 году, когда они оказались в Сызрани, двенадцатилетний Саша Сурдутович стал практически солдатом.

Было лето 42-го. Строем шла рота. Казалось, дело обычное, но ощущалось что-то особенное в этой колонне. Тогда в войсках ещё было мало автоматов, а тут все без исключения солдаты шагали с автоматами на груди. Шли молча, без песни, без музыки, раздавались только мерные глухие удары более двух сотен солдатских сапог. Именно сапог, а не ботинок, что в то время было наособицу. В этом молчаливом движении чувствовалась какая-то особенная сила, лица солдат были решительны и суровы, и не различалось среди них ни юных, ни пожилых. От этой массы людей исходил особенный запах солдатского пота, который нельзя ни сравнить, ни спутать ни с каким другим: особая смесь запаха разгорячённых тел, кожи, оружейного масла, табака и бог знает, чем ещё жив солдат в походе. Этот запах всегда волновал меня и был тем самым «дымом Отечества», о котором я узнал много позже».

Я читала эти строки, а перед глазами вставали кадры из фильма «Они сражались за Родину» - там точно также твёрдо и мерно шагали солдаты, совсем недавно выдержавшие жестокий бой, их лица тоже были упорными, решительными.

Другая картинка – разбитый, разрушенный город. Саша с мамой жили в Нижнем посёлке Тракторозаводского района, и самый первый авиаудар 23-го августа 1942 года пришёлся на центр города. «... северную заводскую часть он обошёл, но что творилось в небе и в городе, было хорошо видно. Мальчишки есть мальчишки. Всю эту картину мы, несколько пацанов 11-12 лет, наблюдали с чердака дома в Нижнем посёлке... Такого громадного облака, а точнее стены пыли, я больше никогда не видел. Разве что в кино про извержение вулкана. ...немцы завод не бомбили, очевидно надеясь захватить его в целости.

... Поняв, наконец, что завод целым не взять, 29 сентября немцы обрушили на него всё, что могли. В одночасье завод превратился в

развалины. Медсанчасть (там была и мама Саши) находилась в подвале административно-бытового корпуса сталелитейного цеха и была погребена под его обломками. Пятисоткилограммовая бомба, прежде чем взорваться, прошла все пять этажей». Их всё-таки откопали благодаря раненому директору завода Генесину, который находился в санчасти.

Такая небольшая книжечка «карманного формата», а сколько в ней достоверных сведений о войне! Например, военные всё-таки пытались эвакуировать жителей Сталинграда. «В ночь на 24 августа по домам ходили военные и убеждали жителей уходить к переправе в центр города. Мы с матерью взяли самое необходимое, сколько могли унести. Утро застало нас на «Красном Октябре». Два дня провели в щели у частного дома каких-то знакомых. ...К исходу второго дня стало известно, что немцы дальше Мечётки не прошли, и кое-кто решил возвратиться. Ночью бомбёжка прекратилась, и мы пошли». А ведь было время, что некоторые любители прославиться на мутной пене, доказывали, что эвакуация была запрещена. Не могу утверждать, было распоряжение о полной эвакуации гражданского населения или нет, но вот беседа с детьми военного Сталинграда, узнала, что семьи работников заводов эвакуировались, но и погибло их немало, ведь немцы бомбили переправы. Кроме того, была осуществлена эвакуация и накануне наступления наших войск в 1942 году, правда, военные перевезли людей на другую сторону Волги и просто оставили их там – дальше они уходили в тыл сами.

Почему же Саша Сурдутович и его мама не попытались эвакуироваться за Волгу? Александр Григорьевич объяснил и это: «Несмотря на то, что всё рушилось в прямом и переносном смысле, людям было крайне трудно покинуть родные места, и при первой же, порой призрачной возможности, многие стремились вернуться, иногда, казалось бы, вопреки здравому смыслу. Но у матери была ещё одна побудительная причина: на руках не оказалось документов об уходе с работы. Наутро она пошла на завод, и её сразу же определили в медсанчасть завода на казарменное положение. Я оставался в посёлке сам по себе. Точнее, нас было двое, я и Вовка, на год младше меня. Наши матери были медсёстрами, и раз в два дня по очереди на пару часов их отпускали к нам. Так что с матерью я виделся раз в четыре дня».

Читатель, вероятно, будет недоумевать, почему слово «мать», а не «мама», проходит через всю книгу. Александр Григорьевич, видимо, предполагая это недоумение, в конце своего повествования разъясняет: «Слово «мать» и «мама», идентичные по смыслу, воспринимаются неодинаково. Естественно, при непосредственном общении она всегда была

для меня мамой, но в воспоминаниях она – Мать, по-другому не мыслю, для меня это слово полно особого значения.

... Мать была человеком с непростым, целеустремлённым характером. Она всегда знала, что делать, и всегда делала то, что нужно. За всю свою жизнь я только один раз видел её плачущей – когда арестовали отца. ... Что творилось у неё в душе – одному Богу известно. На меня скорбь не выливалась – только любовь».

Лишь 13 октября 1942 года, ярким солнечным днём, Саша с мамой оказался за Волгой, и машина, в которой вместе с военными ехали и гражданские люди, увозила их в сторону Саратова по местам, где после войны вырос город Волжский, ставший неотъемлемой частью его биографии. А потом была Сызрань, работа в госпитале вместе с матерью и незаметное для мальчишки воспитание характера, потому что вокруг него находились люди, занятые делом, которое они выполняли ради победы над врагом и спасения раненых солдат. Именно в госпитале мальчуган понял, что такое смерть: в Сталинграде она была как бы на расстоянии, а тут – рядом, многие солдаты угасали прямо на его глазах.

После Курской дуги война двинулась на Запад, а вслед за ней – и Сызранский госпиталь. И тут работников госпиталя, как ни странно, разделили на военнослужащих и вольнонаёмных, хотя те и другие одинаково рисковали: госпиталь могли разбомбить или же он мог попасть под артобстрел. Офицерские звания получили врачи и фельдшеры, а те, кто окончил двухгодичные медицинские курсы, считались вольнонаёмными. Матрёну Максимовну Федоренко военкомат не призвал на службу в армию, но в госпитале её оставили, поскольку она была хорошей операционной сестрой. И если военные медики получали обмундирование, денежное довольствие и паёк соответственно званию, то вольнонаёмные имели небольшую зарплату и малый паёк, хотя трудились они не меньше их. Что касается Саши, то он старался быть полезным: колот дрова, носил воду, причём, как бы ни было тяжело – полными, мыл посуду. И рассказывая об этом, Александр Григорьевич ни словом не обмолвился, что военные чиновники «сверху» практически нанесли обиду младшему медицинскому персоналу, занеся их в категорию «вольнонаёмных».

После Курской дуги были Липецк, Сумская область, Днепр. Киев, Ровно... Но теперь у Александра Сурдутовича был иной статус: он стал связным и очень гордился этим, потому что был в военной форме и вооружён автоматом. Кроме того, стал проявляться и настоящий мужской характер. Однажды он что-то съел, несовместимое с организмом, ему стало плохо, и тут его направили на разгрузку ваты. «Пока ехали до станции в закрытой

машине, мне стало совсем плохо. Однако признаться в этом было невозможно. Тюк ваты весил 50 килограммов. Когда положили его мне на спину, меня повело в сторону, что вызвало смех. Не уронил, донёс до машины на самолюбии. Так же второй и третий. Пот лил с меня ручьями. Постепенно я как-то втянулся в работу, и когда часа через три работа закончилась, я вспомнил о своей болезни. От неё, как говорится, не осталось и следа». Впоследствии он подобные недомогания лечил колкой дров, понял, что поддаваться болезни нельзя.

Сурдутовичи вернулись в Сталинград в 1946 году. «Город лежал в развалинах. Фраза банальна, но по-иному не скажешь. И ещё отличительная черта городского пейзажа: обилие разбитой немецкой техники – везде и всюду...»

Из последующего повествования Александра Григорьевича ясно, что семье жилось нелегко, как и всему народу, пережившему великое горе – войну. И спасибо ему, что не ударился в злобное брюзжание относительно того времени, как случилось это в середине 80-х годов и последующих лет перестройки. Конечно, в своих воспоминаниях он рассказывает о негативных моментах, например, о том, как работники ЖЭКа хотели выселить их с матерью из комнаты. Но Матрёна Максимовна отстаивала свои права на жилплощадь, написав о произволе коммунальщиков в Москву. Александр Григорьевич не знает, кому она писала, но, скорее всего – Сталину, потому что после этого работники ЖЭКа стали с ней приторно-вежливы. И я охотно верю тому, потому что бабушка, когда моя мама попала в беду, тоже писала Сталину, и всё для мамы завершилось благополучно. Внутреннее благородство, честность, порядочность и материнское воспитание, пережитое военное лихолетье, не позволили Александру Григорьевичу порочить прошлое время своей Родины, не смотря на то, что его отец был репрессирован и смог встретиться с сыном через 53 с половиной года.

Он рассказывает о голодных годах, когда довольствовался за целый день одной луковицей, и не скрывает радости от того, что 15 декабря 1947 года были отменены продовольственные карточки, и честно рассказывает о реакции людей на это. «Люди возвращались толпой и несли в руках буханки хлеба, ломая и жуя на ходу. Времени перерыва хватило только на то, чтобы хлеб купить, но перерыв кончился, и – такова была дисциплина! – народ начал работу, разложив хлеб прямо на станках и продолжая есть во время работы, не обращая внимания на грязные замасленные станки и руки. Вечером, когда пришёл в свой подвал, меня ждали белый хлеб, топленое масло и сахар. Первым делом отрезал от буханки кусок толщиной с палец, густо намазал маслом, так же густо посыпал сахаром и с жадностью съел.

Второй такой же кусок съел уже спокойно, от третьего смог одолеть только половину. На этом голодная жизнь закончилась».

Также честно и правдиво Александр Григорьевич рассказал о службе в армии: во флоте служили тогда 5 лет, были трудности, но «дедовщины» не было, хотя командиры тоже были разные – тупые служаки и справедливые командиры. Ну, что же, люди во все времена – разные, но очень часто, особенно в настоящее время, начальник заботится больше о собственном авторитете, чем о благе своего подчинённого.

И слова в защиту фильма «Кубанские казаки» из уст человека, ребёнком прошедшего войну не в глубоком тылу, и который был сыном репрессированного человека, но все же не возненавидел свою Родину, дорогого стоят. В своей повести он твёрдо говорит:

«Я смотрел фильм в 1949 году, когда мне было девятнадцать лет, я пережил войну и, смею думать, был достаточно зрелым, чтобы понимать, что к чему. И кроме красочности, обусловленной законом жанра, особого приукрашивания в нём не увидел. Критики присвоили себе право судить о том, чего не пережили, и рассуждать с позиции совсем другого времени. Это и недостойно, а главное – неумно. Они не знают, что значит пережить такую войну, делая честно своё дело, и остаться в живых. Горя было много, но оставшиеся жить умели радоваться.

В фильме показана богатая художественная самодеятельность. Да, так оно и было. В 1948 году в Нижнем посёлке тракторного завода открылся подлинный Дворец культуры, из самодеятельности которого впоследствии вышли Александр Пономаренко и Екатерина Шаврина. Подобные Дворцы открывались и в других районах. Люди ещё долго жили в подвалах, комната в коммуналке была счастьем, а Дворцы культуры, театры строились и работали».

И в связи с этим хочу добавить и собственные воспоминания. На улице, где я выросла, был одноэтажный Красный уголок, где и кино «крутили», и спектакли заводского драмкружка шли, на которые, между прочим, приходили жители и других улиц. А какое веселье было в дни выборов в техникуме, расположенном на нашей улице - настоящий праздник! На всю улицу гремела музыка, к техникуму шли празднично одетыми целые семьи. Никто, мне кажется, и не думал пропускать это событие. Правда, нам, ребятам, всё равно было, за кого голосовали родители, главное – весь день в одном из кабинетов работал буфет, мы в нём оставляли все свои многомесячные сбережения, сидя за столами, «как взрослые», до отвала наедаясь свежими пирожками и конфетами от «подушечек», прозванных «собачьей радостью», до шоколадных. А когда наши финансы истощались,

ластились к родителям, упрашивая купить пирожное или бутылку сидра. Едва приезжала с концертом очередная агитбригада, мы мчались в актовый зал и занимали первые ряды, да и взрослые с удовольствием смотрели концерты – ни одного не пропускали. Это в самом деле было!

И то, о чём я пишу – вовсе «не ностальгия по прошлому советскому времени», как презрительно называют иной раз воспоминания пожилых сограждан тридцати-сорокалетние люди: в интернете постоянно своё презрительное отношение к прошлому России демонстрируют молодые люди. Мне в конце семидесятых довелось быть секретарём участковой избирательной комиссии, и единственным нарушением было начало подсчёта бюллетеней не в полночь, а на два часа раньше – практика показывала, что в такое позднее время избиратели уже не придут, а нам хотелось поскорее отчитаться и разбежаться по домам. Подсчёт бюллетеней показал 90-процентную явку избирателей, о подтасовке у нас и мысли не возникло, хотя на участке за нами никто не «надзирал».

Мы с председателем комиссии прибыли с отчётом в горисполком первыми. Нас немного пожурили, что не «дотянули» до ста процентов, дескать, агитационная работа прошла не на высоте, но была и «веская причина» – в то воскресенье люди праздновали Троицу. Когда мы вернулись на избирательный участок, там уже был накрыт стол. Что ж, комиссия имела право «расслабиться», ведь избирательный участок открывался в 6 утра. В самом деле – так это было! Было, было и - прошло...

Где былая доброжелательность между соседями, уважение детей к взрослым незнакомым людям? Даже на нашей рабочей улице мы не выражались при них «по матушке», хотя прекрасно владели «русским матерным» языком. Не разрисовывали стены домов, а конфликты решали, не нападая целой сворой на одного.

Вот так неожиданно «сошлись» воспоминания двух людей разных поколений – довоенного и послевоенного, и оказалось, что в них, несмотря на разное время – правда...

Я хочу другим оставить
Эти записи мои
Не о подвиге и славе,
А чем жили мы в те дни.

Было просто и непросто:
Есть Отчизна, вот он – враг,
И в тумане скрытый остров,

Под названием ГУЛАГ.

Об его крутые скалы
Судеб бились корабли,
За высоким идеалом
Суть не все постичь могли.

Да не очень и стремились,
Просто жили, как умели,
Как об лёд, порою, бились,
Но душой друг друга грели.

И нисколько не лукавя,
Вспоминая эти были,
Не забочусь я о славе –
Память только б сохранили.

Вот именно – память сохранили бы, но не только о плохом, что было в прошлом, но и хорошем, которого, если подумать, в жизни каждого человека немало. Но хочу отметить, что талоны на продукты вновь появились при Хрущёве, потом – при Горбачёве. И как ни крути, а выходит, что «брежневщина», как презрительно стали звать восемнадцатилетний период правления Брежнева – самый счастливый для советских людей: бесплатные квартиры, образование, медицина. А главное, у молодых людей была уверенность в прочном будущем: после школы мы поступали в техникумы, институты, а молодым специалистам – широкая дорога вперёд. И никто не подозревал, что брежневскому окружению, в котором в 80-х годах появился и Михаил Горбачёв, стало мало «кремлёвского коммунизма», и страну стали постепенно подводить к кризису. И мы получили то, что сейчас имеем, вернее, не имеем, а что не имеем, расшифровки не требует.

ФРОНТУ БЕЗ ТЫЛА - НИКАК

Уделяя внимание фронтовикам, мы иногда забываем, что без крепкого тыла трудно воевать: тыл помогает оружием, продуктами, всем необходимым, что требуется фронту, часто отрывая от себя последнее. Я держу в руках пожелтевшие от времени, исписанные убористым округлым почерком. Это воспоминания моей мамы, Павлы Фёдоровны Горошниковой, которая уже сорок лет в мире ином. В них - тревога за тех, кто воевал, надежда на благоприятный исход войны и возвращение родных людей с фронта, а также про трудности быта в тылу. Всю войну мама работала там, куда посылала её партия - она стала коммунисткой накануне войны. Главным лозунгом для неё и всех, кто её окружал, был призыв: «Всё для фронта, всё для победы!» И они отдавали все силы ради своих мужей и сыновей, которые были на фронте, ради разгрома фашистов, помогая приближать Победу ежедневно, иногда чуть ли не каторжным трудом. Вся страна встала на защиту своей Большой Родины, обеспечивая фронт всем необходимым. Самоотверженно с полной отдачей сил трудились и уральцы...

Перед самой войной семья Горошниковых переехала из города Тавды в село Жиряково, а родители и братья Максима Егоровича, первого мужа моей мамы, жили в селении, которое называлось скромно «14 участок», зато тамошний колхоз носил звонкое и гордое имя - «Красные орлы». Колхозы Жиряковского сельсовета Тавдинского района Свердловской области были вполне зажиточными и почти все начинались со слова «Красный» - «Красный север», «Красный Октябрь»...

В Жиряково мама стала заведовать избой-читальней, которую по её предложению расширили на весь первый этаж двухэтажного дома, сделали стеллажи для книг и газет, соорудили сцену. Получился вместительный клуб. Колхоз приобрёл патефон, пластинки, и каждый вечер колхозники приходили туда и пели песни под патефон, а потом мама организовала кружок художественной самодеятельности. Шёл май 1941 года. В воздухе витала угроза войны, и время бежало, неумолимо приближая начало самой кровавой войны двадцатого века...

И она грянула, война!

Война для семьи Горошниковых началась так же, как и для всей страны: с сообщения о нападении Германии на СССР. 22 июня 1941 года они были в Тавде: ездили за покупками для детей – подросли дочь Лида, младший сын Гена, а старший, Витя, вообще рос не по дням, а по часам...

А дальше - записи Павлы Фёдоровны. Женщины во время войны горе выливали в подушку-подружку, а мама свои мысли доверяла бумаге, ведь она до переезда работала в городской газете «Тавдинская правда».

«...Возвращаясь домой, мы заехали к Лизе и Ефиму Чайка, нашим тавдинским друзьям. Задержались у них часов до двух, и вдруг из радио раздалось, что сейчас будет важное правительственное сообщение - голос диктора был взволнованным. И услышали: «Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, в 4 часов утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города... Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...» Обращение правительства читал Молотов.

Мы тут же собрались и поехали в Жиряково. Хоть и слышали всё сами, а не верилось, что пришла беда. Максим держался бодро, мол, вздуем германцев - надолго русских запомнят. Думали, первыми принесём весть в Жиряково про войну, но туда о вторжении германских войск уже сообщили по телефону: в райкоме об этом узнали из области.

В первые дни ушли на фронт из окружных деревень несколько молодых мужчин, которым не было и тридцати. Они уезжали с песнями, обещая вернуться через пару месяцев. Но этого не случилось - судя по сводкам, фашисты всё дальше и дальше шли вглубь страны. А в Жиряково жили по-прежнему и готовились к уборке зерновых, которые выдались в тот год очень богатыми, и сердца хлеборобов наполнялись гордостью, но омрачалась она тем, что война разгоралась всё больше, и пришли уже первые «похоронки».

26 августа 1941 года мобилизовали сразу десять человек, колхозники об этом узнали неожиданно во время концерта, который шёл в избе-читальне, где была обрудована небольшая сцена.

Моя младшая сестра, Роза, лихо танцевала «Цыганочку». Черноволосая, кудрявая, она и сама была похожа на цыганку. И вдруг от дверей крикнули: «От имени призывников прошу: спляши ещё раз!» А призывники - шёл уже 1902 год рождения - Максим Горошников, Александр Кожевников, Александр Бочкарёв... Всем им было по тридцать девять лет,

повестки из райвоенкомата им доставили с нарочным. Потом ушли на фронт и те, кому исполнилось по семнадцать лет... И остались в селе женщины, дети да старики...

Теперь изба-читальня в Жиряково открывалась раз в неделю, а в остальные дни я отправлялась в другие колхозы: от райкома задания поступали всё труднее и труднее. В походах по сёлам меня всегда сопровождал Витя, которому шёл всего десятый годок.

Маршрут у нас был всегда один и тот же: выйдя из Жиряково, шли в Забор. Там я выпускала стенгазету, в которой писала о колхозных делах, писала лозунги, призывающие колхозников самоотверженно трудиться во имя победы. Собственно, женщин и призывать особо не надо было, они и так трудились не покладая рук за себя и ушедших на фронт мужей.

Бумаги подходящей не было, потому использовала старые газеты, а вместо чернил шёл в дело свекольный сок. Потом шли в поле, где избача ожидали всегда с нетерпением. Я читала вслух свежие газеты со сводками Совинформбюро о положении на фронтах. Очень все переживали, что идут бои под Москвой, а когда узнали, что Сталин остался в Москве, а не эвакуировался вместе с правительством, то очень обрадовались: теперь фашистам ни за что не взять Москву. Иногда неграмотные солдатки просили прочесть письма с фронта и написать ответ.

Обычно солдаты писали: «Здравствуйте, мои дорогие. Я жив и здоров, чего и вам желаю», - о фронтовой жизни писали мало, зато всегда спрашивали о колхозных делах, просили беречь себя и детей воспитывать, был и детям обязательный наказ: «Не балуй, слушай маму, помогай ей по хозяйству и хорошо учись, потому что после войны мы заживём счастливо, и грамотные люди нам будут всюду нужны». А на фронт уходили такие письма: «За нас не беспокойся. Мы живём хорошо. С работой в колхозе справляемся. Скорей добивай проклятого фашиста и возвращайся домой. Заждались мы тебя, соскучились по тебе», - и ни слова о тех трудностях, которые они переживали в тылу: пусть солдат спокойно воюет, не беспокойся о близких, каждая солдатка понимала, что мужу на фронте во много раз труднее и опаснее.

Если засветло мы не успевали обойти все колхозы, то оставались в том или ином селе. В Заборе, например, останавливались у почтальонки Офимьи. Она прекрасно знала, легко ли пешком за день обойти все колхозы. А какая была сплочённость у людей! Все были готовы помогать друг-другу. Эту доброту людскую я почувствовала на себе. У меня не было подсобного хозяйства, жили мы лишь на мою зарплату, а семья большая: я, четверо детей, мама, сестра... Вот солдатки и давали - кто несколько морковок, кто

картошки немного даст. А маме с оказией ездила в Тавду на рынок, чтобы обменять мою да Максимову одежду на продукты. Менять скоро стало нечего, обносилась я, и в одном из сёл мне подарили кусок холста, из него и сшила юбку, покрасила его марганцовкой и ходила в ней да в лаптях, что дед-сосед мне сплёл до самых холодов.

Когда началась подписка на облигации государственного займа, из района стали присылать уполномоченного райкома партии, которые, как правило, не знали местных дорог, и тогда за помощью обращались ко мне. Отказаться было невозможно, такое в то время мне и в голову не приходило, потому что главными словами для нас всех стали - «долг, должен». Ну а я успела узнать людей, умела найти к ним подход, потому подписка всегда проходила успешно. Да и сама приобретала - сотенные, полусотенные, четвертные, ни на что не годные цветные бумажки. Правда, поговаривали, что, если начнутся розыгрыши, то может выпасть и большой выигрыш. Да не о выигрышах думали люди, а о том, как бы скорее война закончилась.

Кроме того, объявлялись сборы, например, на Уральскую танковую колонну или Уральскую воздушную эскадрилью. Собирались тёплые вещи для фронтовиков и партизан - валенки, рукавицы, полушубки. К каждому празднику - Октябрьскому или Первомаю - поступала разнарядка на подготовку праздничных посылок, и вновь приходилось идти по деревням, разговаривать с колхозниками, убеждать их в необходимости таких сборов. И никто не противился, понимали: надо. Закончится сбор посылок на фронт, а к новому году пора составлять отчёты Центральному Комитету КПСС и товарищу Сталину о проделанной работе, и всякий раз под отчётом должен был подписаться каждый колхозник. Каждый. И опять мы с Витей отправлялись в путь, несмотря на непогоду... А с началом учебного года мне пришлось ходить по колхозам одной.

Так вот в постоянных походах по бригадам Жиряковского колхоза и прошло почти два года. И вдруг меня вызвали в райком и сказали, что будут рекомендовать меня колхозникам «Красных орлов» выбрать председателем. Я перепугалась: как руководить колхозом, ничего не понимая в крестьянстве? Но – надо. И мы переехали на Четырнадцатый участок.

Свободного дома в деревне не оказалось: в каждом живут эвакуированные, и в родовой дом Максима подселили женщину с тремя детьми, так что я даже не обратилась к свекрови по поводу жилья. И стали мы жить в старой тележной мастерской, где даже печи не было, и потому там соорудили печку-железянку, а попросту - «буржуйку». Шёл декабрь 1943 года...

Первым делом я направилась на животноводческую ферму. По дороге зашла в конюшню. Вошла и обомлела: кони стоят, привязанные вожжами к потолку.

- Почему? – спросила конюха.

- А они сами стоять от голода не могут - падают, - ответил тот.

В коровнике - коровы худющие, рёбра выпирают, лежат с закрытыми глазами, даже жвачку не жуют. Впрочем, кормушки пусты, вылизаны до бела. В овчарне - то же самое. Я запоздало схватилась за голову: какой хомут себе на шею надела! И отказаться невозможно - такой бы нагоняй получила по партийной линии - с коммунистов спрашивали за провинность очень строго. Однако надо жить и работать, потому собрала стариков-колхозников.

- Что делать будем, товарищи? Весна подойдёт, а пахать не на ком, да и коровы перемрут. Подскажите, родные, что делать, я же городская, в сельском хозяйстве мало разбираюсь, помогайте, если выбрали председателем.

Старики напустили на себя суровый вид, но вижу - довольны, что к ним обратилась за помощью.

- Ну что ж, - отвечают, - коли ты с нами не погнушалась посоветоваться, то давай и думать вместе. Не успели мы корма вовремя приготовить: руки-то ребячьи да бабьи. А предложение наше такое: надо снять солому с крыш старых молотильных токов, солому порубить, побрызгать солёной водой, да охвостья от веялок собрать, смолоть и понемногу посыпать эту соломенную сечку, тем и кормить скот. Может, до весны и продержится животины.

Так и сделали. Сняли солому, отрядили счетовода в город за солью, старики охвостья смололи. Дня через два опять пришли ко мне. Стоят, мнутя, друг на друга поглядывают:

- Тут вот какое дело, можно ещё корм найти...

- Где? – спросила я.

- В лесу мы заметили стог сена, видать, кто-то из городских до войны поставил. А что, если мы его увезём? Разрешите взять пару подвод.

- А если поймают? - засомневалась я дать «добро» на это дело: ещё ни разу, как завещал отчим, я не брала чужого. И детям говорила: «На земле лежит, не вами положено – не берите!»

Старики заулыбались:

- Не бойсь, Фёдоровна, мы ночью съездим, и так всё сделаем - комар носа не подточит. Да и не будет никто сено искать, оно уж, поди, года три там лежит...

- Ну что же, действуйте, - разрешила я, хотя и страшно было, как бы райком не узнал: вдруг это сено из другого колхоза?

Старики привезли сено, им подкармливали лошадей. Вот на сене том да соломе и дотянули взрослых животных в «Красных орлах» до весны. Но пришла новая беда: начался падёж телят и овец, им-то не очень подходит соломенная сечка, а сена было мало – коровушки ели не досыта. Обратилась я за помощью в район, чтобы кормов дали, а там ответили: «Изворачивайся сама! Другие-то председатели находят выход!» А как изворачиваться? И ветеринарной помощи нет, и скрыть падёж нельзя - можно пойти под суд, потому что каждое животное на учёте, и если нарушена отчётность, то председателю придётся несладко. И я решила: «Конечно, за падёж попадёт, но уж если попадёт, то надо сделать так, чтоб хотя бы колхозу выгода была». Опять позвала стариков на совет: «Подскажите!».

- Хороший хозяин, - сказали старики, - пока животное не издохло, если оно, конечно, не заразное, обязательно прирежет. Вот и мы давайте так сделаем. Пиши правду в сводке, сколько пало, а мы будем следить за этим делом. Как только станет ясно, что животное вот-вот падёт, тут мы её и прирежем. Вот и будет, хоть худосочное, но мяско, добрый приварок.

Конечно, мне крепко попало за снижение поголовья колхозного стада, отругали и за то, что мясо колхозникам раздала (кто-то, видимо, сообщил в райком партии), а не на мясокомбинат отвезла. Но дальше этого дело не пошло, даже выговор по партийной линии не получила, потому что твердила: животные пали и захоронены, да и колхозники это подтвердили. В самом деле, кто докажет, что животное забили при последнем издыхании, а не сбросили мёртвым в ров - в отчёте-то истинное поголовье указано. Может, не наказали ещё и потому, что не кем было меня заменить: в колхозе - безграмотные женщины да старики с детишками остались, а я всё же образование имела, легче было разобраться с делами. А «стукача» так и не нашли, хотя старики и проводили собственное «расследование». Думаю, что это был кто-то из недоброжелателей Максима. Дело в том, что он был одним из организаторов колхоза на 14-ом участке, проводил раскулачивание зажиточных односельчан, и кое-кто из тех семей мне выговаривал: «Твой Максим наше хозяйство разорил!» Удивительно, но эти «разорённые» жили в такое трудное и голодное время лучше других, видно, осталось у них кое-что и после раскулачивания, и несколько местных франтих носили мои платья, отданные им в обмен на продукты, иной раз и за деньги.

Началась посевная. Председатели устанавливали очередь по жребью на сельхозтехнику в МТС. Однако вперёд всех технику получали, конечно, самые ушлые мужики с помощью самогонки, а я намаялась, пока добыла её.

И колхозных коней было мало, так что кое-как вспахать бы колхозные поля, тут уж не до личных огородов. Собрала колхозников, объяснила, что придётся пахать приусадебные участки после общей посевной. Конечно, много было обид, но иначе я поступить не могла: за нарушение графика пахоты и планов посева с председателями спрашивали строго, вплоть до суда.

Но русские женщины - терпеливые и сообразительные. И сообразили. Жуткое зрелище однажды предстало перед моими глазами: колхозницы стали огороды пахать на себе. В соседних колхозах пахали на коровах, но женщины на Четырнадцатом участке своих рогатых кормилиц берегли: падут, и вообще, хоть помирай. Потому объединялись в артели и поочерёдно пахали свои огороды после трудового дня в колхозе. Страшно было на это смотреть...

Хлеба на трудодни к весне не осталось: подчистую сдали хлебозаготовки, только семенной фонд в амбаре был. Колхозники ели разную траву: крапиву молодую, лебеду, листья одуванчиков. Ребятня лазила по сосняку, собирала «пестики» - молодые отростки веток, их так ели или же варили отвар, спасаясь от цинги. Резали чагу - березовые наросты на чай, собирали липовый цвет и листья, выкапывали корни репейника... Где уж тут быть сытым?

Однажды перед выездом в поле в правление ввалилась толпа женщин. Они были злые, готовые, наверное, на многое. И с порога:

- Или давай хлеба, председатель, или на работу не пойдём! С голоду скоро подохнем! Давай половину семян!

- Бабы, ведь и мой муж там, где и ваши, - сказала я. - Только мой уже погиб, наверное: без вести пропавший - почти погибший, а у вас есть и живые. Они там, на фронте, как в аду, среди грохота пушек и пулемётов, каждого из них могут убить. Ну, давайте бросим работу, разделим семенной фонд, оставим их без будущего хлеба, пусть голодают, да? Вы голодаете, а я разве нет? Не мои ли дети вместе с вашими на полях мёрзлую картошку ищут да траву собирают? Да, мы - голодные, но у нас хоть крыша над головой, нам хоть тепло, не рвутся снаряды над нами, пули рядом не свистят. А мужьям нашим... Ну, давайте бросим всё, сложим руки, пусть немцы придут и сюда, потому что фронту без нас - никак! А семена... Не дам я вам семена, хоть убейте, потому что без этих семян мы не сможем выжить вообще.

Женщины затихли, но я чувствовала, могут взбунтоваться окончательно, отберут ключи от семенного амбара, растащат зерно. Но поднялась со скамьи одна из них и крепко выругалась:

- Ах, в мать-перемать такую жизнь! Пошли, бабы, в поле, верно Паня говорит, чего уж там...

И женщины гуськом потянулись к выходу.

Отсеялись. Откосились. Сняли урожай. Сдали государству хлебопоставки. Засыпали семенной фонд, страховой фонд, а на трудодни-то и делить вновь нечего. Хорошо, что есть у колхозников огороды, а с них - овощи. Есть коровы, овцы да козы на подворьях, подкормилась скотина летом, всё-таки жить можно. А у меня опять ничего нет. И не знала, чем кормить семью в наступающую зиму. И тогда написала заявление в райком партии, чтобы отозвали обратно в город, где хоть и нет подсобного хозяйства, но есть продовольственные карточки на работающих и иждивенцев. Замену прислали, но в Тавду не направили, а назначили председателем Жирыковского сельсовета. И опять я безропотно приняла назначение – коммунистка, и должна честно работать там, куда послала партия.

Но однажды так припекло, что чуть сама не отравилась и всю семью не отравила - лето как-то перебились: жили мы опять в Жирыково в прежней квартире над избой читальней. Мама под окнами разбила небольшой огородик, да того, что выросло на огороде хватило едва до октябрьских праздников, и страшно было смотреть в голодные глаза детей. Вот и пришла в голову дурная мысль, тем более что уже окончательно уверилась: за четыре года от мужа никакой весточки, значит погиб. Я ездила к нему в ноябре 1941 года в Еланские лагеря, и когда уезжала, он так в глаза посмотрел, что у меня мороз по спине пробежал: смотрел, словно прощался навсегда. (Взгляд оказался и в самом деле прощальным - Максим Егорович Горошников и его три брата не вернулись с фронта. - авт.) Но вовремя опомнилась. Опять съездила в райком, попросила перевести меня в Тавду. Мне повезло - в Жирыково вернулся комиссованный солдат с фронта, вот его и поставили командовать сельсоветом. И весной 1944 года я стала редактором городского радио.

Сорок пятый надвигался тревожно. Хоть и поговаривали, что недалёк конец войны - советские войска уже за границей нашей страны бьют фашистов - но до того времени дожить ещё надо. А как? На пять ртов: я, мама, трое детей (младшая доченька, Люсенька, болевшая рахитом, умерла) - одна я работница. Того, что получала по карточке служащей и четырём иждивенческим, было мало. Если удавалось отоварить карточки за несколько дней, то мама шла на рынок, продавала хлеб и покупала картошки – так было выгоднее: булку хлеба съедали за день, а купленной картошки хватало на два-три дня. Однажды в Тавду прислали подарки из Америки (так звали

США). Одна из посылок досталась мне. Думали, в посылке продукты, а когда вскрыли пакет, там оказались ботинки и два белых платья, которые пришлось впору Лиде. Однако белые платья – непрактично, поэтому одно платье я покрасила раствором красного стрептоцида, а второе – хинином. И гардероб Лиды пополнился двумя платьями – красным и жёлтым.

Летом, как и в селе, перешли на «подножный корм» - Витя, прихватив Генашку, бегал на реку рыбачить, а то уходил с ребятами в лес по грибы. Весной с окрестных дворов выдирал молодую крапиву и лебеду, а в лесу выискивал съедобные корешки и травки, которые я показала ему, когда он сопровождал меня в походах по сёлам - пригодились то, что узнала в детстве от соседки Марты-пастушки. Однажды Витя прибежал ко мне на работу, принёс в кепке три сваренных в кожуре картофелины: «Покушай, мама!» - «Где взял?» - нахмурилась я сурово. - «Не думай, не украл, - заулыбался сын, - это я заработал - на базаре мешки помогал разгружать!» Я взяла одну картофелину и тотчас отвернулась, чтобы не видел сын моих слёз.

К осени накопили картошки, которую посадили вдоль железной дороги одними глазками да очистками. Думали, что ничего и не вырастет, однако накопили восемь вёдер - два мешка. То-то было радости: ешь - не хочу! И в первый день напекли драников, наелись до отвала. Но до нового года весь урожай съели.

Отличился однажды и Генашка: взял купюру-двадцатьпятку из заветной шкатулки, где хранились деньги, накупил на базаре пирожков, радуясь, что хватит всем. По дороге домой забежал ко мне, дескать, пусть и мама поест горяченьких пирожков. Я вытащила из газетного кулька один пирожок и заметила стыдливый голодный взгляд одного из работников. У меня кусок в горле застрял, и, вздохнув, угостила товарищей пирожками. Генашка отправился домой налегке, дожевывая последний пирожок.

Весна навалилась на меня глухой тоской: не могла я смотреть в голодные глаза детей – растущие организмы требовали калорийной еды, а её как раз и не было. Младшие дети не хныкали, а если начинали - тут же получали от Вити подзатыльник, видимо, помнил наказ Максима жалеть мать, помогать ей. Витя рос отчаянным, боевым парнем. Маме Витька дерзил часто, и столько она сломала о его непокорную голову деревянных ложек, что и со счёта сбилась. Однажды села и заплакала:

- У-у! Ирод окаянный, все ложки об его башку переколотила, а ему всё нипочём!

И всё-таки случалось, что мальчишки не выдерживали голодухи, лазали по огородам: то морковки надёргают, то репы, то подкопают куст картошки, наберут десяток клубеньков. Но братья всегда стояли друг за

друга горой, и однажды Генашка спас Витины уши, а может, и спину от основательной экзекуции.

Витя с дружками залез в соседний огород, но, на беду, хозяин увидел маленьких проказников, схватил берёзовый дрын да помчался за мальчишками. Витя прибежал домой, нырнул со страху в подполье. Догадливый Генашка тут же раскатал по крышке-западне самотканый половик, поставил табурет и уселся на нём, держа в руках мою гитару. Сидел, брякал по струнам и залихватски пел охальные частушки. Хозяин огорода сразу с порога: «Мать-перемать, где твой такой-сякой-долбанутый брат?» А Генашка спокойно ему в ответ, дескать, на рыбалке он, а сам опять заголосил.

Плюнул с досады мужик и удалился.

Кое-как перезимовали: хорошо, что хоть крыша над головой есть, и дров удалось достать - дома тепло, не то что на четырнадцатом в тележной мастерской. Но голодно по-прежнему. Мне ночами не спалось, всё думала-думала:

- Максим, где ты? Который год нет весточки от тебя! Приезжай, хоть какой больной или увечный! – но надежда на возвращение мужа таяла с каждым днем: был бы жив – дал бы, наверное, о себе знать. А в плен Максим бы не сдался - очень предан был советской власти, он же за неё ещё в гражданскую воевал.

И опять страшная мысль пришла в голову: отравить всю семью и самой отравиться. Что ждёт их впереди? Прокормить, образование дать им она одна не в силах. И тут же разозлилась на себя: Максим в Еланских лагерях наказывал беречь детей, а она опять про смерть думает!

Так и не сомкнула я глаз до утра в ту ночь, растревоженная воспоминаниями. А в голове одна к другой складывались строчки:

В поле плачет вьюга и хохочет метель,
на дороге маячит одинокая тень.
Ветер бьёт её сбоку, и в затылок, и в грудь,
только негде той тени прикорнуть, отдохнуть.
Тень прошла все дороги, все овраги, леса,
в кровь истерзаны ноги, в седине волоса.
Ей пора отдохнуть бы, только где же тот дом,
где согрели её бы, обласкали теплом?
И бредёт, спотыкаясь, бесприютная тень,
как былинка, качаясь, ищет светлый свой день...

Победа ворвалась в наш дом вместе с ликующим голосом радиодиктора Левитана. Никто, как он, не мог произнести с такой завораживающей силой: «Говорит Москва! От советского информбюро!..» Этот голос звучал из чёрных тарелок громкоговорителей, которые были включены днём и ночью, чтобы не пропустить сводку Совинформбюро. К нему привыкли, по интонации могли уловить, какую он скажет весть - радостную или горькую. И в том, и в другом случае дрожь пробегала по спинам, и недаром ходил по стране анекдот, что Гитлер, якобы похвалялся, что, войдя в Москву, первым делом разыщет Левитана и подвесит его за язык.

Весенние ночи на Урале светлее день ото дня, в мае они - ясные, тихие, почти летние. Я часто с вечера долго вертелась, ворочалась в постели - бессонница одолевала вместе с невесёлыми думами. Вот и 9 мая, в тот незабываемый день, лишь под утро сумела заснуть, и вдруг...

- Говорит Москва! - грянуло по дому так ликующе, что даже спресонок поняла: Левитан сейчас что-то важное сообщит, вероятно, даже о Победе, ведь советские войска уже в Берлине, над рейхстагом - красный флаг. Я машинально посмотрела на часы-ходики: не пора ли на работу.

А голос Левитана набирал силу, и сказал, наконец, самое главное, самое важное и долгожданное слово - Победа!

В доме захлопали двери, Ксения-соседка, такая же бедолага-солдатка, как и я, забарабанила кулаком в дверь нашей квартиры:

- Паня-а-а!!! Победа!

На ходу надевая халат, босиком выскочила во двор, где уже собрались все, кто жил в Доме учителей. Люди обнимались, кричали всяк своё, не слушая друг друга. Вслед за мной из дома вылетели Витя с Геной, размахивая красным платком, в котором я исходила все дороги Жиряковского сельсовета. Мальчишки выломали штакетину от забора, прибили к ней платок, влезли на крышу, и затрепетал над домом флаг, захлопал на ветру, а мальчишки восторженно выплясывали на самом коньке немыслимый дикий танец под громкое «ура!», которое от нашего дома катилось куда-то в центр города.

Я спохватилась, вбежала в дом, быстро оделась и поспешила на работу. На улицах уже было полным-полно людей, все, как и я, спешили на свои заводы, туда, где проработали всю войну, к тем, с кем делили тяготы военной жизни, каждый, видимо, думал, что именно он первый принесёт весть о Победе, работавшим в ночную смену. Знакомые и незнакомые, плача и смеясь, приветствовали друг друга, обнимались и бежали дальше.

Моё сердце бухало, словно молот (сердце болело у меня с детства из-за перенесённого ревматизма), задыхалась, но ни разу не остановилась отдохнуть, пока не добежала до лесохимической артели имени Кирова, куда направили меня замполитом после ликвидации городской радио-редакции. Во дворе артели бушевало море улыбок, женщины размахивали косынками над головой, мужчины подкидывали вверх кепки. Лица - светлые и радостные, только нет-нет да блеснёт на глазах слеза у тех, кому ждть с фронта уже некого.

- Ну, замполит, с Победой нас, с великой Победой! - такими словами встретил меня председатель артели Фёдор Иванович Зенков и расцеловал в обе щеки. - Начинаем сейчас митинг, тебя ждали, знали, что прибежишь, - и закричал во весь голос: - Товарищи! Все вы слышали по радио, что немцы капитулировали! Войне - конец! Скоро ваши мужья и сыновья, отцы и братья с победой вернутся домой! Слава им, товарищи!

- Ур-ра-а!!! - взметнулось ввысь.

- Мы...- хотел продолжить свою речь Зенков, но вдруг споткнулся на слове, вытер глаза рукой и шепнул: «Говори сама, Павла Фёдоровна, не могу я! Мой-то сын не дожил до победы...» - и отвернулся, чтобы скрыть набежавшие слёзы, лишь плечи заходили ходуном от сдерживаемых рыданий.

А у меня и самой горло перехватило спазмом, я прижала ладони к шее, словно хотела помочь словам прорваться наружу, но слова застряли, и я несколько секунд стояла, онемевшая, перед людьми, сумев лишь выговорить:

- С Победой вас, дорогие товарищи... - и тоже заплакала – тихо, горько, и люди поняли, почему не могу говорить: муж мой уже не вернётся с войны, потому что «пропавший без вести» к концу войны, когда уже исчезала надежда на возвращение фронтовика, очень часто значило - «погибший».

В тот день заводы не работали, это был первый за всю войну радостный выходной день. По такому случаю в заводских столовых для рабочих устроили праздничный бесплатный обед, прибавив к нему и сто грамм водки. И хотя все поздравляли друг друга с победой, в иные стопки капали слёзы горечи - не все вернутся домой...».